МАГНУС ГАРБЕ

ТРАГЕДИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод

В. ДЕВЕКИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Магнус Гарбе — бургомистр.
Фелиция — его жена.
Моника — их служанка, бегинка.
Ян Госсерт — художник.
Доминик — слуга.
Петер Планк — столяр.
Доктор Корнелиус Ансело — член муниципалитета, врач.
Гесвейн — служитель в ратуше.
Доктор Иоганн Вик — городской синдик.
Ключница.
Две молодые служанки.
Эккарт — винодел.
Йерг, Якоб } его внуки.
Ганс Мейлин — цирюльник.
Адам — палач.
Герг, Гейнц } его подручные.
Аполлония Фишроссин — служанка в доме Адама.
Три патера-доминиканца.
Брат Томас, Брат Рейнгольд } монахи-доминиканцы.
Третий монах-доминиканец.

Действие происходит в XVI веке в германском имперском вольном городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Высокий, обшитый панелями зал в доме патриция. Виден мольберт, на нем холст на подрамнике. Входит Фелиция Гарбе, молодая жена бургомистра Магнуса Гарбе. Она беременна. Ее сопровождает бегинка Моника.

Фелиция. Я опять должна позировать, Моника?

Моника. Да.

Фелиция. Неспокойно у меня на душе.

Моника. Отложите тогда сеанс, милостивая госпожа.

Фелиция. Магнус хочет иметь мой портрет. Но скажи мне, ради бога, что за дым поднимается над базарной площадью. Или это облака, Моника? Когда всходило солнце, небо было безоблачным. Какие тени! Какие тревожные тени, Моника! Странно, что ты всегда бледнеешь, когда видишь их. Может быть, в пригороде вспыхнул пожар?

Моника. Бывает иногда, что и в ясную погоду чад дымовых труб стелется по улицам.

Фелиция. Боюсь, что художнику будет плохо видно. Как по-твоему, можно ли рисовать женщину, когда она беременна?

Моника. В капелле нашего монастыря бегинок над алтарем есть картина. Вы ее помните. Святая дева Мария навещает святую Елизавету. Святые девы сидят в доме Захария. Вы ведь знаете, что в это время Елизавета носила под сердцем Иоанна Крестителя.

Фелиция. Не греши, Моника! Бог знает мои мысли. Ему известно, что я и в помыслах не ставлю себя наравне со святыми девами.

Ян Госсерт. Ах, я был рассеян? Возможно. Я так спешил к вам.

Фелиция. Успели ли вы совершить вашу обычную утреннюю прогулку по нашим садам?

Ян Госсерт. Вы угадали. Я шел садами и виноградниками.

Фелиция. Как дела у виноделов?

Ян Госсерт *(по-прежнему рассеянно)*. Гроздья налились хорошо. *(Так как кисть заметно дрожит в его руке, откладывает ее в сторону.)* Прошу прощения, в моей руке нет еще твердости.

Фелиция. Маэстро, что с вами приключилось?

Ян Госсерт *(сильно побледнев, в изнеможении опускается на стул)*. Ей-богу, со мной не приключилось ничего. Разве только то, что я позволил себе призадуматься и поразмышлять. Это безусловно было ошибкой. Кто размышляет, тот всегда приходит к одному и тому же выводу.

Фелиция. К какому же?

Ян Госсерт. К тому, что в этом мире сатана омрачает и самый ясный день.

Фелиция. Эту мысль я недавно слышала с церковной кафедры, маэстро. Там говорил проповедь приезжий доминиканец. От вас же я до сих пор привыкла слышать гимны создателю. Но, может быть, вы мне ответите на мой первый вопрос: откуда взялся этот зловещий дым?

Моника делает художнику предостерегающие знаки.

Ян Госсерт. Нет, к сожалению, ничего не могу сказать.

Фелиция. Все вы точно сговорились скрывать от меня все на свете. Даже Магнус, муж мой, не составляет исключения. Но вы очень заблуждаетесь, думая, что подобная игра в прятки нужна для такой женщины, как я, пусть даже и в подобном положении. Ведь в конце концов слишком явное скрыть невозможно.

Моника. Ну, так знайте: это горит дом вдовы магистра Иоганна Текстора. Пожар, говорят, охватил все здание.

Ф е л и ц и я. Пускай наш августинец сегодня же отслужит мессу за упокой души бедного магистра. Ну, а прибытие в город Священного папского трибунала может остаться для кого-нибудь тайной, полагаете вы? Вы думаете, я не слышу, как каждый день, почти каждый час звучит мощный хор церковных колоколов? Ведь многие из них я знала уже тогда, когда литейных дел мастер освободил их из формы. Каждый колокол я называю по имени, даже самый маленький.

Я н Г о с с е р т. В таком случае, высокочтимая госпожа, пусть не будет для вас секретом, что canes Domini [1] разворотили могилу магистра, проволокли по улицам его бренные останки и прокляли их. Они прокляли и дымящиеся развалины дома, который он оставил своей жене и детям. Sic fiat locus sanctionum et cedet in locum sterquilini et foetoris [2].

Входит старый почтенный слуга Д о м и н и к.

Д о м и н и к. Пришел Петер Планк. Он принес колыбель.

Ф е л и ц и я. Маэстро, вы не будете возражать, если я сейчас осмотрю колыбель?

Я н Г о с с е р т. Боже упаси! Вид колыбели всегда услаждает душу. Впрочем, Соломон восхваляет мертвецов, считает их счастливее живущих и прибавляет: «Кто еще не родился, тот счастливее тех и других, ибо он не ведает зла, творящегося в подлунном мире». И все же вид колыбели вызывает упоение, как светлая мысль о материнской любви.

По знаку Фелиции Д о м и н и к удаляется. Затем он снова входит вместе с П е т е р о м П л а н к о м, столяром, который несет колыбель.

Ф е л и ц и я. Подойдите, Петер Планк! Мне нельзя двигаться; я позирую. Но и вы тоже словно оцепенели. Что с вами?

Д о м и н и к. Пятнистый дог перебежал ему дорогу.

---

[1] Псы божьи. (*Лат.*)

[2] Да будет это место наказаний и превратится в место навоза и скверны. (*Лат.*)

Ф е л и ц и я. Что ты хочешь сказать этим, добрый Доминик?

Д о м и н и к. Ходит молва, что в городе появилась бешеная собака.

П е т е р П л а н к. Голова у этого пса безжизненно висела, он, поджав хвост, бесцельно слонялся вдоль и поперек, а язык его свешивался до самой шеи.

Ф е л и ц и я. Вы говорите, в городе появилась бешеная собака?

Д о м и н и к. Так говорит молва.

Я н Г о с с е р т. Бешеная собака бродит по нашим улицам?

Д о м и н и к. Так говорят.

М о н и к а. Вы встретили бешеную собаку, Петер Планк?

П е т е р П л а н к. И я видел, как она подбежала к молодому быку, схватила его за ногу и вырвала кусок мяса величиной с большую тарелку.

Ф е л и ц и я. Вы что, все сегодня ополчились на бедную женщину, сердце которой полно радостью? Знайте же, в моем сердце только радость! Я ничего не хочу слышать о выдуманных вами ужасах. Подите прочь с вашей безбожной боязнью!

Я н Г о с с е р т. Я больше не различаю ни контуров, ни красок.

М о н и к а. Что сейчас — полдень или полночь?

Ф е л и ц и я. Доминик, принеси свечи. Начинается буря. Тучи нависли, как черная стена.

Я н Г о с с е р т. Осторожнее, осколки! Окно разбилось. Боже, какой бешеный столб пыли поднялся над базарной площадью!

Ф е л и ц и я. Недаром сейчас июнь. Гроза! Ступай, Моника, надо закрыть все окна в доме.

М о н и к а уходит.

Я н Г о с с е р т. Что это? Молния?

П е т е р П л а н к. Нет, маэстро, это не молния. Пресвятая дева Мария и Иисус Христос! *(Дрожит всем телом.)*

Я н Г о с с е р т. Ну вот теперь была молния.

Петер Планк. Это был огромный огненный шар. Он коснулся верхушки купола храма Спасителя, покатился по крыше и упал на ратушу. Я видел, как он лопнул, озарив пламенем все небо.

Фелиция. С храма Спасителя, где сегодня собрался Священный трибунал?

Ян Госсерт. Да, с храма Спасителя, где сегодня собрался Священный трибунал. Я тоже видел этот шар.

Фелиция. И Магнус Гарбе тоже в церкви.

Ян Госсерт. Я ждал, что настоящий синайский гром потрясет крепостные стены нашего города.

Петер Планк. Но ведь нет ни грома, ни дождя.

Фелиция. Ничего. Мне кажется, гроза проходит. Петер Планк, покажите мне наконец, что у вас получилось.

Петер Планк *(подносит колыбель к Фелиции)*. Она вышла очень простая, как вы и хотели. Не моя вина, если она чересчур проста для вашего дома.

Фелиция. Ясли Спасителя были еще проще.

Ян Госсерт. Даже пыль не прибило. Истомившаяся земля жаждет влаги так же сильно, как мир жаждет Спасителя. Но небеса не пожелали разверзнуться.

Фелиция *(качает колыбель и тихо напевает)*.

«Там, где ветер веет не смолкая,
Где взметнулись в небо гор вершины,
Там сидит Мария, напевает
И качает маленького сына.
На руках она его качает
Руки колыбель ей заменяют».

Ян Госсерт. Что это вы пели, божественная женщина? Что это вы пели, блаженнейшая царица?

Фелиция. Не грешите, маэстро.

Ян Госсерт. Пахнет серой. Огненная буря срывает крыши домов; бесплодные небеса не могут разрешиться дождем. Вам же, прелестнейшая из женщин, среди всего этого хаоса будет дарован прелестнейший ребеночек.

Ф е л и ц и я. Да простит вам бог ваши нечестивые, суетные и совсем не смиренные речи. Но пусть он благословит мой час.

Возвращается М о н и к а.

Закрыты ли все окна и двери?

М о н и к а. Да. Уже опять стало светлее. Бургомистр возвращается домой. С ним члены муниципалитета.

Ф е л и ц и я. Давайте скорей все уберем.

Ф е л и ц и я поспешно встает, прощается с художником и уходит. Д о м и н и к, вошедший вместе с Моникой, помогает унести все принадлежности для рисования. Х у д о ж н и к убирает портрет и уходит. Все суетятся и в спешке забывают о колыбели, которая остается на сцене. В зал входят бургомистр М а г н у с Г а р б е, доктор К о р н е л и у с А н с е л о, врач и член муниципалитета, сопровождаемые Г е с в е й н о м, служителем в ратуше.

Г а р б е. Положи это пока на стол, добрый Гесвейн.

Гесвейн кладет на стол огромную стопку папок, кланяется и уходит.

(Отвечая на поклон Гесвейна и тем самым отпуская его.) Прощай! *(Медленно расхаживая, отдает появившемуся Доминику перчатки и берет. Когда Доминик уходит, не торопясь проверяет, заперты ли все двери, и только после этого подходит к доктору Ансело.)* Ну вот мы и одни, дорогой доктор Ансело.

Д о к т о р А н с е л о *(подтверждающе кивает; они пристально смотрят друг другу в глаза)*. Да, Магнус Гарбе, мы действительно одни.

Г а р б е. Вы хотите сказать: мы две ясные головы среди неистовствующих. Но, пока мы тут с глазу на глаз, между нами и ими, слава богу, надежные стены. И здесь, Ансело, здесь я должен высказаться. Этот кровопийца, упивающийся кровью, как ненасытная пиявка; этот монах, глаза которого пылают жаром безумия,— чего он хочет? Истребить вольнолюбивых граждан германских городов? Откуда он явился? С какими полномочиями? Не станут же отрицать, что Рим для нас — чужой город, а Dominus apostolicus [1] — чужестранец. Leges sacrosanctae [2]! Что же это творится? Неуже-

[1] Апостолический повелитель. (*Лат.*)

[2] Священные законы. (*Лат.*)

ли папа хочет с помощью древних законов, полученных путем вымогательства более трехсот лет тому назад от германского императора, превратить нашу страну в огромное кладбище? Ecclesia non sitit sanguinem[1], как говорится. Однако если церковь сама не проливает крови, зато она делает своими палачами князей и городских правителей. Наши суды, наши судьи, несмотря на свое лучшее разумение, должны лишь безмолвно наблюдать, как фанатики-изуверы в слепом безумии хватают свои жертвы и учиняют над несчастными так называемые судебные процессы. Процессы без свидетелей, без доказательств, без защиты, где каждый, кого хотя бы чуть-чуть запятнала клевета тайного доносчика, может быть обезглавлен, повешен, утоплен, колесован или после бесчисленных отвратительнейших пыток замучен насмерть в мрачных казематах. И мы должны все это терпеть, несмотря на то, что мы немцы и христиане, несмотря на то, что мы бургомистры, сенаторы, судьи и бюргеры имперских вольных городов, которые мы сами создали и выстроили своими руками. Сами они не убивают, зачем же! Мы должны быть их кровавыми псами и должны sine visione[2] на живодерне приводить в исполнение их позорные решения. Когда сегодня в храме Спасителя закончилось разбирательство дела и бедняге портному — я хорошо его знаю: он воды не замутит — с лицемернейшим милосердием вынесли замаскированный смертный приговор, когда несчастный упал на колени и в душевной муке стал громко молиться, тогда битком набитый собор разразился таким хохотом, что эхо, отраженное сводами всех трех нефов, прозвучало как рев из преисподней. Ничего христианского я в этом не почуял; скорее это походило на вонь из пасти разъяренного зверя. А на теле бедняги портного, который не умеет ни читать, ни писать, и так уже не было живого места. День за днем гнил он заживо в вонючей темнице, откуда его выводили только в камеру пыток. Его истязали, жгли каленым железом, загоняли ему под ногти деревянные гвозди до тех пор, пока он

---

[1] Церковь не проливает крови. *(Лат.)*
[2] Без созерцания. *(Лат.)*

наконец не прокричал то, что ему навязали,— именно то, что от него хотели услышать и благодаря чему палачи в сутане сочли доказанной его измену истинному вероучению церкви. А ведь перед воротами еще теплился пепел костра, на котором сожгли четырех бедных грешников.

Доктор Ансело. Говорите, говорите. Облегчите свою душу, дорогой бургомистр.

Гарбе. Не могу молчать, иначе я задохнусь. Я не хотел впускать кровавого пса в наш город. У нас есть свой собственный мирской и церковный суд. И зачем же нам наши башни, стены и рвы, зачем боевая охрана у ворот города? Разве нет у нас конницы и пехоты? И разве мы не гордые и свободные горожане? А мы позволяем втаптывать нашу гордость в грязь первому встречному доминиканцу, который позорит и оскорбляет нас, как ему вздумается. Эх, если бы в сенате было единство...

Доктор Ансело. Наш сенат охвачен жалким, постыдным страхом. Все эти гордые патриции стали немыми, как рыбы, и послушными, как собачонки. Им все время мерещится кнут, которым их только что наказали. Но обратимся от всеобщего горя к особому счастью, озарившему ваш дом. *(Указывает на колыбель.)*

Гарбе *(заметив колыбель, взволнованно)*. О, как она сюда попала?.. Право, у меня закружилась голова! Я потрясен.

Доктор Ансело. На вас сказывается то, что вы увидели и молча вытерпели сегодня утром, скрывая свой праведный гнев. Да и у меня руки и ноги как свинцом налиты.

Гарбе *(после продолжительного молчания, решительно)*. Все растворяется в моей душе, все примиряется в ней. Там, за этими стенами, горести и беды, преследования христиан и подлые убийства, а здесь — Фелиция и счастье, какое я не променял бы даже на шалаш среди четырех потоков в саду Эдема. Как удивительно устроил бог сынов Адама. *(Подходит к колыбели и задумчиво покачивает ее.)* Поразительно! Почти непостижимо! Можно ли представить себе хотя бы на ми-

нуту, что такой человек, как патер Гисланд, этот монах, богослов, верховный судья Священного трибунала, что этот бешеный волк, ворвавшийся в наше христианское стадо, тоже когда-то лежал в подобной колыбели и его баюкала простая человечная мать? Я не верю этому. Я не могу в это поверить!

Доктор Ансело. И все же, дорогой Магнус, поверьте в это. Признайте, что человеческая натура бывает подвержена самым страшным изменениям, иначе вы впадете в суеверие и вам придется прибегнуть к malleus maleficarum [1]. Я согласен с вами, что если кому-нибудь понадобятся доказательства существования сатаны и его злых дел, то самым лучшим примером будет этот монах с полномочиями из Рима, опустошающий наши города, как чума. И еще об одном я хочу попросить вас, бургомистр Гарбе, но уже как врач. Постарайтесь, чтобы о бесчинствах этих мрачных сил, терзающих наш город, ваша жена не узнала ничего или как можно меньше. Иначе это может иметь дурные последствия и повредить той новой жизни, которой небо решило увенчать ваш до сих пор бездетный брак.

Фелиция *(входит)*. Вернулся! У меня словно камень с души свалился. *(Обнимает и целует мужа.)*

Гарбе. Тебя напугала гроза, Фелиция. Гроза миновала.

Фелиция. Ян Госсерт и все другие вели такие загадочные разговоры. Что случилось? Магнус, что случилось в храме Спасителя?

Гарбе. Ничего не случилось, Фелиция.

Фелиция. Но народ на улицах кричит, что молния ударила в купол храма.

Гарбе. Если это даже так, то во всяком случае нигде не загорелось и мы, находясь в церкви, ничего не заметили.

Доктор Ансело. Мы вообще не видели молнии.

Фелиция. Ну, а Священный трибунал — был ли он сегодня милосерден во имя Христа, Магнус?

Гарбе. Бедные грешники были, как всегда, милостиво переданы в руки мирского вершителя правосудия.

---

[1] Молот ведьм. *(Лат.)*

Ф е л и ц и я. Могли ли вы предположить, доктор Ансело, что наш красивый, богатый, трудолюбивый и цветущий город превратится в такой отвратительный содом? Ну ладно, пойду проверю, накрыт ли стол. *(Все еще в волнении уходит в прилегающую столовую.)*

Д о м и н и к *(входя)*. Стол накрыт, милостивая госпожа.

Эти слова не останавливают Фелицию. Видно, как она обходит в соседней комнате богато накрытый стол.

Д о к т о р А н с е л о. Обратите внимание на вашу жену, дорогой Гарбе!

Г а р б е. Я должен обратить на нее внимание? В каком смысле?

Д о к т о р А н с е л о. Разве вы не заметили ее беспокойства?

Д о м и н и к. Милостивую госпожу охватило беспокойство, когда столяр принес колыбель, а может быть, немного позднее, когда молния ударила в храм Спасителя. Ее как раз писал в это время господин Госсерт. Вдруг она вскочила и прекратила позировать.

Г а р б е. Никакая молния не ударяла в храм Спасителя, Доминик.

Д о м и н и к. Тогда я не знаю, чем объяснить волнение нашей милостивой госпожи.

Г а р б е. Мне кажется, что она сегодня такая же, как всегда, и совсем не волнуется.

Д о м и н и к. Но она довольно долго без отдыха ходит взад и вперед, вверх и вниз по всем покоям, комнатам и галлереям, как будто она что-то потеряла, и уже несколько раз подряд наша добрая госпожа молилась у алтаря домашней капеллы.

Д о к т о р А н с е л о. Обратите внимание на вашу жену, дорогой Гарбе!

Ф е л и ц и я *(возвращается в несколько приподнятом настроении)*. Ну вот, теперь мне легче на душе. Прошу вас, господа, к столу.

Г а р б е. Скажи мне, детка, тебя что-нибудь беспокоит?

Ф е л и ц и я. Нет, Магнус, с тех пор как ты вернулся, ничего. Но если бы доктор прошел без нас в столовую,

то я открыла бы тебе небольшой секрет. Не пугайся, Магнус, это сущие пустяки.

Доктор Ансело. Хорошо, но я без вас все съем и выпью. *(Уходит в столовую.)*

Фелиция. Магнус, обещай мне одну вещь.

Гарбе. Ты пугаешь меня, Фелиция!

Фелиция. Дорогой мой, ты не должен пугаться. Я твердо знаю волю всевышнего: он не возьмет тебя к себе раньше, чем меня.

Гарбе. Он, вселивший в наши сердца любовь, отзовет к себе нас обоих вместе, когда наш час пробьет.

Фелиция. Нет, Магнус, нет. И вот это первое, что ты должен мне обещать. Ты можешь не клясться и не божиться. Дай мне просто руку и обещай это во имя нашей любви.

Гарбе. Что же я должен тебе обещать, Фелиция?

Фелиция. Если я умру, ты должен жить, Магнус.

Гарбе. Если только я смогу, Фелиция.

Фелиция. Всегда можно сделать то, что должно. А ты должен жить по трем причинам. Если я подарю тебе сына Магнуса Феликса, — пусть так нарекут его при крещении, — то ты должен жить ради него. Может быть, я рожу дочь, ты все равно должен жить. Вот письмо, распечатай его только в том случае, если меня действительно не станет. Ни за что не отдавай нашего ребенка чужим людям и, пока он не вырастет, не отпускай его от себя, не оставляй его без защиты.

Гарбе. Если я смогу жить... Я обещаю тебе это. Но я полон уверенности...

Фелиция. Да, Магнус, да, я тоже полна уверенности. И все же если нам суждено иное и всевышний заберет к себе и мать и ребенка, то и тогда ты не имеешь права умереть. Наша страна, наш бедный народ, наш город — ты всем им нужен, Магнус. И ты не имеешь права бросить их раньше срока. И, наконец, последнее. Я боюсь, что не смогу быть счастлива даже в раю, если буду виновна в твоей смерти.

Они замолкают, слившись в долгом поцелуе.

Гарбе. Идем! Довольно печали, давай со спокойной душой и с твердой верой в будущее сядем за

стол с друзьями и вкусим с благодарностью дары господа.

Фелиция. Нет, Магнус, нет... Сделай мне один раз одолжение — я знаю, ты голоден и устал,— сядь сегодня, только сегодня, за стол без меня.

Гарбе. То есть как без тебя, Фелиция?

Фелиция. Пей с друзьями вино, пируй и веселись, как обычно; ты ведь это заслужил.

Гарбе. Ты говоришь такие странные вещи, Фелиция.

Фелиция. Разве правда кажется тебе странной?

Гарбе. Для меня нет веселья без тебя.

Фелиция. Магнус, ты, только ты из всех, кого я знаю, только ты полон святых мыслей, истинных, чистых, возвышенных. О, как мне страшно, как страшно, страшно! Горе мне, Магнус, я ведь только слабая... только боязливая... боязливая, запуганная... слабая, трусливая... и совсем, совсем бессильная женщина. Ах, если бы мне не было так страшно, Магнус!

Гарбе. Ради всего святого, что с тобою?

Фелиция. Ничего, Магнус, ничего. Пойдем, пойдем со мной в часовню. Пусть брат Мартин отслужит мессу.

Уходят, но не через столовую. Некоторое время сцена пуста. Затем из столовой появляются сначала Доминик, потом доктор Ансело.

Доминик. Никого нет.

Доктор Ансело. Стол накрыт, сверкает серебром и золотом, а за столом — никого: ни гостей, ни хозяев.

Доминик. Ваша милость господин доктор, очень хорошо, что вы здесь, в доме.

Доктор Ансело. Пожалуй. Я, вероятно, скорее перенес бы избиение младенцев в Вифлееме, чем пережил, чтобы рухнули надежды этой восхитительнейшей женщины и обманулись ожидания ее достойного супруга.

Слышен колокольчик священника, читающего мессу.

Доминик. Ваша милость, это из часовни. Наш августинец служит мессу.

Оба молитвенно складывают руки. Снова слышится колокольчик. Затем появляется бегинка Моника, чтобы забрать колыбель.

Доктор Ансело. Скажи, сестра Моника, когда беспокойство охватило твою госпожу?

Моника. Вскоре после того, как спустился этот мрак. Наш столяр говорит, что с того момента, когда молния в виде огненного шара ударила в храм Спасителя.

Доктор Ансело. Будем считать это добрым предзнаменованием!

Моника. Нас охватил ужас, когда черные тучи закрыли все кругом и разразилась буря без дождя.

Доктор Ансело. Если яблоко созрело, почему же буре не сбить его?

Моника. Но это была недобрая буря, она выла над нами, как отвратительные злые кошки.

Доктор Ансело. Это была самая обычная буря.

Моника. Не все разделяют это мнение.

Доктор Ансело. Какое же существует другое?

Моника. Многие говорят, что бурю вызвали дьявольские женщины с помощью злых демонов.

Доктор Ансело. Под дьявольскими женщинами вы разумеете так называемых ведьм, Моника?

Моника. И все ведь видели, как внезапно на ясном, чистом небе возникли черные тучи и спустились над храмом Спасителя.

Доктор Ансело. Ага, так ваши дьявольские мастерицы непогоды посягали на Священный трибунал?

Доминик. Так думают почти все. Весь город живет только этим событием. Толпы народа во главе со священниками и даже членами муниципалитета рыщут вокруг, разыскивая во всех углах нечестивых женщин. Они жаждут мести. Всех охватила неистовая злоба.

Моника. Говорят, что они все же нашли виновницу. Это жена Ганса Гессарта, цирюльника, родившая три недели тому назад девятого ребенка.

Доктор Ансело. Это честнейшая женщина во всем городе. Она без устали провела тысячи трудных ночей у изголовья бедных жен, облегчая им родовые муки. А теперь их сыновья с камнями, дубинками и цепами охотятся за ней. Как врач я ее хорошо знаю, жену цирюльника.

Доминик. Утверждают, что патер Гисланд ска-

зал, будто огненный шар на крыше храма был сам сатана.

Доктор Ансело. Патеру Гисланду, конечно, по роду его деятельности должны быть известны повадки князя тьмы. Но давайте позабудем все, что творится за стенами этого дома, и обратим все внимание на нашу любимейшую госпожу!

Все уходят; впереди — Моника с колыбелью. Из столовой входят Магнус Гарбе и Ян Госсерт.

Гарбе. Будьте добры, маэстро, покажите мне ее портрет.

Ян Госсерт. Мне, пожалуй, не следовало сегодня рисовать. Боюсь, что я внес страдальческие черты в небесный облик вашей супруги.

Гарбе. Женам суждено немало страданий.

Ян Госсерт. Разрешите мне заметить, что лицо прекрасной, восхитительной, обожаемой всеми фрейлейн Фелиции Амзинг никогда не было исполнено такого блаженства, как облик госпожи Фелиции Гарбе, носящей ребеночка под сердцем.

Гарбе. Простите, мне страшно сдавило грудь.

Ян Госсерт. Вы больны, господин бургомистр?

Гарбе. Нет, но, если бы даже палач вел меня на эшафот, у меня не могло бы быть хуже на душе.

Ян Госсерт. Я понимаю, город охвачен чудовищной жестокостью.

Гарбе. Нет, простите меня, не поповская чума причина моего недуга. Даже трудно сказать, как мне все это вдруг стало безразличным. То, что меня смертельно угнетает, нельзя выразить словами. Это страх! И хуже всего то, что от него нельзя убежать.

Ян Госсерт. Вы тревожите меня. Все привыкли считать Магнуса Гарбе железным человеком.

Гарбе. Мы заблуждались. Я не железный. Дайте мне взглянуть хотя бы на ее тень; может быть, это смягчит боль моего сердца.

Ян Госсерт. Надеюсь, что с вашей супругой ничего не случилось?

Гарбе. Мы сказали друг другу «прости»!

Ян Госсерт. Я вас не понимаю.

Г а р б е. Мы только что попрощались с ней.

Я н Г о с с е р т. Ваша супруга уезжает?

Г а р б е. Вы можете назвать это как вам нравится. Но довольно: ее нет со мною, ее у меня забрали. И если сказать, что она уехала в дальний путь, то этот жестокий путь идет через пылающие леса и раскаленное железо.

Я н Г о с с е р т. Теперь я вас понял, господин бургомистр.

Г а р б е. Давайте присядем на минутку. Когда мне было сорок шесть лет, я не осмеливался поднять глаза на совсем юную, прекрасную Фелицию Амзинг: но именно меня выбрал ее милостивый взгляд. Я был всего-навсего простым энергичным человеком, без родственных связей, без большого состояния, владельцем весьма скромного поместья. Другие предлагали ей красоту, молодость, княжеские богатства. Знает бог, я никогда не полагал, что мои скромные достоинства стоят подобной награды. Я считал и считаю себя недостойным такого счастья. Я и думать не мог, что в намерение всевышнего входило доверить грешному человеку на время его земного существования столь неземное сокровище, так щедро оделить его своей благодатью. Разве я грешил, когда даже в молитвах не просил послать мне ребенка, боясь за Фелицию? А ведь в мои лета я ничего так страстно не желал, как наследника. Я жаждал увидеть своими глазами наследника, подаренного ею, покачать на коленях сына или дочь, в жилах которых смешалась ее кровь с моей. Но я не просил этого в молитвах! Я не осмеливался! Я полагался на волю божию. Сегодня все получилось так, как решило провидение.

Я н Г о с с е р т. Таким образом, дерево принесет плод, а прекрасная оболочка украсится драгоценным ядром. Да и какой смысл имело бы такое сочетание, такой примерный брак, соединивший восхитительнейшую женщину с самым достойным мужчиной в городе, если итогом их союза не будет человек грядущего, новый христианин, созданный по образу и подобию божьему!

Г а р б е. И все же мне помнится, что я чаще слышал от вас слова мудрого Соломона: мертвому лучше, чем живому, а всех лучше тому, кто вообще не родился.

Ян Госсерт. Жизнь тягостна, кто этого не знает! И все же...

Гарбе. Не только тягостна. Жизнь всегда борьба. И кто начал эту борьбу, должен и в холод и в зной отвоевывать каждую пядь крутого, долгого пути у непримиримых врагов, бесчисленных, как песчинки на морском берегу.

Ян Госсерт. Мужайтесь, господин бургомистр! Вспомните, на каком посту вы стоите и как вы его защищаете! Ваша жизнь всегда была примером храбрости и силы, мужественной воли, крепкого дела и вполне заслуженной награды. Таков уж закон природы: женщина должна родить. И наши матери перенесли этот трудный час и лишь потом уже изведали всю полноту счастья своего бытия.

Гарбе *(взволнованно пожимает руку художника)*. Благодарю вас, благодарю вас, Ян Госсерт.

Ян Госсерт. Ну, а теперь я вам скажу, с каким поручением и кто именно послал меня к вам: доктор Ансело. У вашей жены все в порядке. Доктор обязал меня отвлечь ваши мысли в другое русло и увести вас из дома, даже из города, чтобы совершить продолжительную, но освежающую прогулку по нашим полям.

Гарбе *(после краткого раздумья)*. Я повинуюсь, пойдемте, маэстро!

Оба уходят из комнаты. Немного спустя, разговаривая, входят доктор Ансело и доктор Иоганн Вик, городской синдик. У последнего благородная внешность, высокая, стройная фигура, темные волосы и черные глаза; одухотворенное, бледное лицо.

Доктор Ансело. Вы входите в этом дом, господин юрист, в трудный и решающий час. Госпожа Фелиция разрешается от бремени. Вас это испугало? Вы ничего об этом не знали?

Доктор Вик. Извините, я дошел до того, что боюсь собственной тени. Мы были сейчас так заняты в муниципалитете, а я, как вы знаете, в особенности.

Доктор Ансело. Да-да. В наш добрый, вольный имперский город вступила опасная бестия.

Доктор Вик. Мы ведь свои люди. Вы безусловно правы. И ужасно то, что небо как бы в союзе с эти-

ми эмиссарами и комиссарами изуверского фанатизма. Бог знает, как далеко еще зайдет этот патер Гисланд, опираясь на полномочия папы и на все более звереющую чернь.

Доктор Ансело. Как понять ваши слова, что небо в союзе с ним?

Доктор Вик. Виноградники и сады пострадали от заморозков. Потом наступила страшная засуха. За городскими воротами притаился неурожай, притаилась голодная смерть. В селах падает скот. В городе уже есть вспышки английской потницы и даже чумы, хотя и локализованные вашими разумными мерами. А сегодня вдруг налетела эта гроза, и народ надеялся увидеть долгожданный дождь. Он обманулся в своих надеждах. Вместо этого, как бы в насмешку, огненный шар прыгал на куполе именно той церкви, в которой собрался Священный трибунал. И сейчас густая толпа все еще стоит вокруг храма и неподвижно глазеет на купол.

Доктор Ансело. Оказывается, холодная молния все же кое-что зажгла.

Доктор Вик. Она зажгла в нашем городе нечто ужасное. Всевозможное суеверие, вся грязь, все духовные отбросы и прочая дрянь вспыхнули жутким пламенем. Чернь обезумела! Средь бела дня людям повсюду мерещатся всякие страсти. К тому же чудовище вкусило крови. С тех пор как первая жертва, уже измученная во время пыток, была брошена в костер и толпа, собравшаяся на соборной площади, насладилась треском адского пламени и муками бедного осужденного, извивавшегося и стонавшего от боли, с тех пор ее стали привлекать подобные расправы. Жажда крови расползлась по всем уголкам вместе с чадом первого костра.

Доктор Ансело. Поистине пора, чтобы Магнус Гарбе снова поднялся во весь свой могучий рост и остановил чужеземное чудовище.

Доктор Вик. Да, это, без сомнения, был бы самый благородный и самый отважный подвиг нашего храброго бургомистра. Но вопрос в том, придут ли ему на помощь его былая предусмотрительность и осторожная мудрость. Его призыв всегда был внушителен, его слова убеждали и захватывали, и все же, кто знает,

одержит ли он верх в справедливом деле и что поставит он при этом на карту?

Доктор Ансело. Во всяком случае, вы, господин синдик, как представитель светской и церковной судебной власти, должны признать законность такого выступления. У города есть свой полномочный суд, светский и церковный. В высшей степени справедливо, чтобы наши судьи получили возможность ознакомиться с тем, как ведутся судебные процессы в этом бродячем иноземном трибунале; пора потребовать ясно обоснованных приговоров. Если же наша судебная власть будет и дальше слепо выполнять роль палача и казнить сограждан одного за другим, отправлять на живодерню членов своей же общины, детей, женщин и стариков — и все это только потому, что так желает пришлый монах, одержимый фанатик, ослепленный кровавым безумием,— тогда наши судьи заслуживают того, чтобы их самих колесовали.

Доктор Вик. Для всякого разумного человека это ясно как божий день. Но что толку даже в самом справедливом требовании, если церковный произвол господствует безгранично?

Доктор Ансело. Но Магнуса Гарбе горожане боготворят. За него стоят и бедные и богатые. Разве вы не думаете, что проба сил может кончиться в его пользу?

Доктор Вик. Верно. Горожане боготворят Магнуса. Каждый знает, что́ он сделал для блага города. Такой человек, как он, рождается раз в сто лет. Почти половину состояния, полученного им в приданое, он израсходовал на благо общества или роздал нуждающимся. Но не забудьте, что у такого человека есть и завистники, скрытые завистники, выжидающие подходящего момента. Впрочем, мне надо поговорить с ним самим.

Доктор Ансело. Сейчас это невозможно, так как его нет дома. Он пошел с художником на прогулку.

Доктор Вик. Его присутствие в муниципалитете необходимо. После всего, что произошло, его беззаботность кажется мне удивительной.

Доктор Ансело С тех пор как для его супруги настал трудный час, весь остальной мир словно вывет-

рился у него из головы. Поглядите на накрытый стол. Еда и вино так и остались нетронутыми.

Доктор Вик. Я привел с собой Гесвейна, служителя в ратуше. Он очень предан нам. Надо будет послать за Магнусом верховых. Беспорядки растут. В отдельных районах города чернь начала грабежи под предлогом поисков ведьм. Некоторые мясные лавки и булочные уже разгромлены. Полковник Килиан с городскими солдатами ожидает у ратуши. Он ждет распоряжений бургомистра. Он не хочет вмешиваться в события на свой собственный страх и риск.

В дверях показывается Доминик, немного позади него — Гесвейн.

Доминик *(с неизъяснимым испугом)*. Извините нас, ваша милость, за то, что мы входим без спросу. Но толпа стекается к воротам дома.

Гесвейн. Ваша милость господин синдик, нас видели, когда мы входили в дом.

Доктор Ансело. Толпа собирается у ворот? Чего же она хочет?

Доминик. Такой вопрос и я задаю себе. Но кто это может знать, господин доктор! Я вышел к ним, когда их было еще не так много. Вдруг один из них — в глазах его как бы отсвечивали сера и смола — подскочил ко мне и, грозя кулаком, визгливо закричал: «Зарежь петуха! Зарежь петуха!»

Доктор Вик. «Зарежь петуха! Зарежь петуха!» Может быть, вы знаете, что он хотел этим сказать?

Доктор Ансело. О, к сожалению, мне это хорошо известно. Это клич, с которым обезумевший сброд преследует сектантов, считающих грехом убивать животных и есть их мясо.

Доктор Вик. Но это нечто новое для нашего города.

Доктор Ансело. Иноземный трибунал завез нам сей гостинец. Наверно, он входит в sacro arsenale [1]. И что ты ответил негодному крикуну, Доминик?

---

[1] Священный арсенал. (*Лат.*)

Доминик *(резко)*. Ничего. За всю свою жизнь я не убил ни одного животного, и вот уже тридцать лет, как я не ел мяса.

Доктор Ансело. Раз так, то у тебя была основательная причина молчать.

Доминик *(упрямо)*. Я не скрываю своих взглядов ни от кого, господин доктор. Моя совесть чиста. И никакими угрозами нельзя меня принудить, чтобы я отрекся от бога и душевного благочестия.

Доктор Ансело. Молчи, ты тоже сошел с ума, добрый Доминик. Тебя никто не спрашивает, и тебе незачем отвечать.

Входит взволнованная Моника.

Моника. Вернулся Петер Планк, столяр. Он хочет поговорить с хозяевами.

Доктор Ансело *(Доминику)*. Скажи ему, пусть войдет. *(Монике.)* Ваше место подле госпожи.

Доминик уходит.

Моника. Да, но около дома собралась толпа. Она становится все больше и кричит все громче.

Доктор Ансело. Пускай становится все больше, пускай кричит все громче. Помни, ты бегинка, ты сиделка, которой доверены жизнь и здоровье жены бургомистра. Праздная базарная толпа видит, что в дом бургомистра больше, чем в какой-либо другой, входят разные господа — только что зашли господин юрист и служитель ратуши,— вот бездельников и обуяло любопытство. Позаботьтесь о том, чтобы госпожа не услышала об этом даже и полслова.

Моника. Она сейчас говорит во сне.

Доминик вводит Петера Планка.

Доктор Ансело. Да у вас дрожат колени, Петер Планк!

Петер Планк. Возможно. Я бежал стремглав, как бы спасая свою жизнь.

Доктор Ансело. Кто же преследовал вас по пятам?

Петер Планк. Даже и не знаю, как сказать. Я знал только, что мне надо бежать изо всех сил, словно сама смерть галопом несется за мной.

Доктор Ансело. Верно ли, что вы ищете бургомистра?

Петер Планк. Где Магнус Гарбе? Разве его здесь нет?

Доктор Ансело. Нет! Но здесь я и господин юрист; как вам известно, мы тоже должностные лица.

Петер Планк *(выпаливает залпом)*. Знаете ли вы, что толпа схватила жену Ганса Мейлина, которая лечила переломы и прочие болезни, притащила ее к мастеру Адаму, нашему городскому палачу, и тот ее пытал, жег солому на ее теле, а монах-доминиканец подверг ее немедленно мучительному допросу.

Доктор Ансело. Но это было бы беспримерным нарушением закона. Не может быть. Мы не верим этому.

Петер Планк. И все же тут все правда, как «Отче наш».

Доктор Ансело. От кого вы это узнали?

Петер Планк. От самого мастера Адама; палач ведь сводный брат моей покойной жены.

Доктор Ансело. Вы слышали это из его уст?

Петер Планк. Если бы только это, тогда я не бежал бы сюда очертя голову. Я, господа, узнал вещи более страшные; язык не поворачивается рассказать их.

Доктор Ансело. Переведите дух, мастер, соберитесь с силами и рассказывайте спокойно, что бы там ни было. Ну, смелее!

Петер Планк. Этому нельзя поверить. Вы все равно мне не поверите. Вы ведь не хотели верить даже тому, что Доротею Мейлин подвергли пыткам и допросу.

Доктор Вик. Не надо тянуть, говорите! Теперь мы вам поверим. Кажется, вы хотите рассказать нечто, что уже коснулось и моих ушей. Если это так, то можно смело сказать, что землетрясение произвело бы менее ужасное впечатление, не будь этот слух чересчур диким, чересчур нелепым и не зияй на его лбу клеймо лжи.

Доктор Ансело. Вы начинаете меня пугать, господин синдик.

Петер Планк. Раз вы уже все знаете, мне незачем говорить.

Доктор Ансело. Не теряйте времени, когда грозит беда, если ее можно избежать с божьей помощью.

Петер Планк. Я могу довериться только вам.

Доктор Ансело. Вы слышали? — Выполняй свой долг, Моника. — Не уходи далеко, Доминик.

Доминик и Моника уходят.

Петер Планк. Мне тяжело говорить о таких вещах, господа. Скажите мне сперва, правда ли, что Доротея Мейлин одно время была ключницей здесь, у Амзингов? Я имею в виду те годы, когда покойный сенатор Амзинг жил еще в этом доме.

Доктор Ансело. Да, она служила ключницей у Амзингов лет двадцать тому назад и даже больше.

Петер Планк. И с того времени ее здесь не было?

Доктор Ансело. Она уже давным-давно сюда не показывалась, с тех пор как прекрасная Фелиция Амзинг, которая, как мне известно, относилась к Доротее Мейлин с детской привязанностью, стала Фелицией Гарбе, а ее родители были похоронены в соборе.

Петер Планк. Так пускай бы лучше черт, с которым она блудила, сломал ей шею, вместо того чтобы вложить в глотку этой старой потаскухи такое проклятое показание против нашей милостивой госпожи.

Слышны крики толпы. Затем они умолкают.

Поняли вы, что́ Доротея прокричала под пыткой, что́ теперь знает каждый и что́ сгоняет народ к дому бургомистра?

От неожиданности оба члена муниципалитета потеряли дар речи. Резким движением они поворачиваются друг к другу, и каждый смотрит пристально на другого.

Доктор Вик *(после длительного молчания)*. Вот как отвечает Рим на мужественное поведение Гарбе.

Доктор Ансело. Но и сенат молчать не станет. Довольно! Я протестую! Так низко мы еще не пали! Так глумиться над собой мы не позволим. Такие преступления откроют глаза и слепому. Сам сатана покажется белее снега, если его сравнить только с помыслами о

столь бесстыдном и чудовищном злодеянии. Не говоря уже о том, что бог не допустит подобного обмана.

Доктор Вик. И все же — давайте не будем убаюкивать себя. Разве мы не видели сами: римский монах делает даже невозможное возможным. Взгляните на базарную площадь. Она кишит народом. От храма Спасителя до собора святой Марии, от нашего дома до городской ратуши столпилось столько людей, что яблоку упасть некуда.

Доктор Ансело *(подходит к окну)*. Всего лишь год тому назад народ так же толпился на рынке — плечо к плечу. Он славил нашего бургомистра. Бесконечным потоком подходили духовные братства с крестами, ремесленные цехи со своими знаменами; окна звенели от праздничного ликования в честь пятидесятилетия Магнуса Гарбе. Сегодня же они, чего доброго, захотят колесовать его жену.

Петер Планк. Доктор Ансело, отойдите, ради Христа, от окна!

Доктор Ансело. Почему? Разве я сделал что-нибудь плохое?

Петер Планк. Вас знают как человека ученого. Вы исцеляли от болезней. Вы делали здоровыми тяжело больных. Этого вполне достаточно, чтобы заподозрить вас в связи с черной магией.

Снизу доносятся возгласы. В окно, чуть приоткрытое доктором Ансело, влетает камень.

Доктор Вик. До свидания, я вижу, что сенат собирается. Я узнал Эбергарта Криббе, нашего архитектора. Да и Лангерман, и Томбринк, и Адлерман пробрались в ратушу. У нас еще есть друзья. Теперь нужно поискать Гарбе и найти его. *(Быстро уходит.)*

Доктор Ансело *(поднял камень и рассматривает его)*. Вы были правы, поделом мне. Благодетелю показываться опаснее, чем злодею. Может быть, я вылечил ту руку, которая швырнула в меня камнем. Что ж, я сохраню это сокровище. Оно станет для меня таким же вечным символом, как крест. Теперь не медлите и, если вам известно, скажите, в чем призналась бедняжка Доротея.

Петер Планк. Она сказала, что служила у господина Амзинга. Тогда патер Гисланд спросил ее, не занималась ли она там нечестивыми делами или, может быть, замечала это за другими. И, так как она молчала, палач схватил ее раскаленными щипцами за левую грудь. Доротея громко закричала и поклялась, что даст показания. Нынешней жене бургомистра было тогда шесть лет. У нее-де была хрустальная баночка с зеленой или какой-то другой мазью. Вечерами она ею часто натиралась После этого ее кровать пустовала всегда целую ночь. У нее был еще какой-то серый порошок, не иначе как пепел или пыль. Иногда она двумя пальчиками высыпала его из окна. Вскоре после этого над городом всегда разражалась страшная гроза.

Слышен сильный стук в дверь дома.

Доктор Ансело. О бедная Фелиция! Не думала ты и не гадала, какая печальная судьба ожидает тебя. Надо бы тебе такой порошочек вместе с громом и молнией обрушить на головы этого сброда.

Слышен колокольный звон.

Великолепно! Чтобы мразь не успокаивалась, пущены в ход даже колокола. Только их воя еще недоставало. Быстренько ухватились прислужники за веревки, и вот вам глас всевышнего, начисто сметающий всякое сопротивление разума.

В сильном возбуждении входит Доминик.

Доминик. Пришли монахи с сыщиками и служителями суда. Они проложили себе дорогу сквозь толпу. Чернь требует, чтобы их впустили.

Доктор Ансело. Кто после этого сможет сказать: «Прости им, господи, ибо они не ведают, что творят»?

Петер Планк. Не выдавайте меня, не бросайте меня на произвол судьбы! На меня и так уже всех собак вешают.

Доктор Ансело. Вы можете не беспокоиться, мастер. Ну, а теперь давайте пойдем бесстрашно с именем Христа навстречу этой заблудшей толпе.

Доктор Ансело храбро идет к двери и выходит из комнаты; за ним следует Доминик. Дрожащий от страха Петер Планк остался в комнате и смотрит в окно. Шум усиливается. Внезапно входит доминиканский патер. Он в белом облачении. Его лицо — это череп, обтянутый желтой, словно воск, кожей. Он несет распятие, которое выставляет вперед, как бы для защиты. Уходит через столовую. За ним следует второй патер, похожий на первого. Он кропит вокруг себя святой водой. Он и следующий за ним третий патер удаляются также через столовую. Петер Планк пригнулся, его не заметили. Появляется испуганная домашняя челядь — пожилая ключница и две молодые служанки.

Ключница *(молится)*. Святой Георгий, сжалься над нами! Святой Блазий, сжалься над нами! Святой Вит! Святой Панталеон, заступитесь за нас! Святой Христофор, заступись за нас. Святой Дионисий, сжалься над нами!

Первая служанка. Что такое, что случилось? Чужой народ бегает снизу вверх, а с чердака снова бежит в погреба, и так по всему дому!

Ключница. Святой Цириак и Ахатий, заступитесь за нас! Никогда мы не занимались нечестивыми делами. Нет у нас тайных знаков на теле. Мы не заставляли коров давать кровь вместо молока, мы не напускали ни бури, ни града, ни засухи, ни голода. Святой Евстахий, заступись за нас! Святой Эгидий, заступись за нас! Святая Маргарита, святая Катерина и святая Варвара, заступитесь за нас.

Ключница, служанки и Петер Планк падают на колени.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад и виноградник бургомистра Гарбе за городской стеной. Небольшая усадьба Эккарта: жилой дом, погреб и виноградный пресс. Погреб открыт; в полутьме его сводов видны винные бочки. Здание обвито виноградом и плющом. Сзади и над ним поднимаются по склону виноградные лозы. Небо все еще затянуто тучами. На некотором расстоянии высится часть городской стены, указывающая на близость города. Слышен звон почти всех городских колоколов. Под липой, единственным деревом, растущим вблизи, Эккарт поставил резную скамью. Тут же бежит светлый родник, заполняя довольно большой бассейн. Слева и справа удобные местечки для сидения. Виноградные лозы опутывают все кругом, образуя зеленую беседку. Эккарт строгает подпорки для винограда. Восьмилетние близнецы Йерг и Якоб, внуки винодела, следят за его работой.

Якоб. Дедушка, почему звонят сразу все колокола в городе?

Эккарт. Надо спросить звонарей, миленький, я этого не знаю. Может быть, сгорел танцевальный дом. Густой дым с той стороны поднимался сегодня все утро над городской стеной.

Якоб. Не хочешь ли пойти с нами в город и поглядеть на пожар, дедушка?

Эккарт. Ах, пускай себе горит, у меня другие заботы! Когда все вокруг сожжено, когда горят посевы, горит зерно на корню, горят виноградники, когда при такой засухе одной искорки достаточно, чтобы обратить в пепел целый лес, почему бы не сгореть и танцевальному дому?

Йерг. А если весь город сгорит, дедушка?

Эккарт. Тоже не беда! Наш бургомистр Магнус Гарбе сумеет отстроить его заново.

Якоб. Дедушка, смотри-ка, вон идет господин бургомистр.

Эккарт *(прерывает работу и прикладывает ладонь к глазам. После непродолжительного молчания)*. Действительно это он. *(Качая головой.)* В будний день... в столь необычный час? Бодрствуйте и молитесь! Ибо не знаете, когда наступит час и придет хозяин виноградника.

Появляются прогуливающиеся Магнус Гарбе и Ян Госсерт.

Гарбе *(заметив старого винодела и обоих русоволосых внуков)*. «Laudabunt alii claram Rhodon aut Mytilenen aut Epheson bimarisve Corinthi...» [1]. Вот видите, маэстро, каждый раз, когда я вхожу в мой старый любимый виноградник, он чем-нибудь радует меня. Я считаю это добрым предзнаменованием.

Ян Госсерт. В самом деле, нет ничего более радостного и приветливого для праведного взгляда, чем старый Эккарт со своими внучатами. За последние недели не проходило почти ни одного дня, чтобы я не воспользовался вашим разрешением приходить сюда в любое время, и я старался не упустить возможности перекинуться словечком с этим старым опытным человеком.

Гарбе. И вы поступали правильно, маэстро. Поверьте мне, что и я частенько просил у него совета не только в моих личных бедах, но и в трудных заботах о благе города. Многие решения, которые я принимал на пользу моего дорогого детища — нашего города, основывались на его советах. Он знает мое детище лучше меня. Его предки с незапамятных времен обрабатывали здесь землю, и теперь с этого участка можно спокойно взирать на крепкую, опоясанную стенами и башнями гордую деву-республику, которая, как и полагается деве, мыслит и действует далеко не всегда логично и последовательно.

Ян Госсерт. А вы сами разве не выросли на этом клочке земли?

Гарбе. Я попал сюда, когда мне было восемь лет.

---

[1] Другие будут прославлять славный Родос, или Митилену, или Эфес, или же расположенный между двумя морями Коринф... (*Лат.*)

Отец купил здесь на свои сбережения небольшое именьице со всем, что к нему принадлежало, и только тогда мы переехали в эти края. До этого отец тридцать шесть лет верой и правдой служил у его княжеской милости епископа в качестве управляющего имениями епископата. Но только здесь, среди этих лугов, полей и виноградников, я стал чем-то, если я вообще чем-то стал.

Ян Госсерт. Тогда в целом мире, даже в Месопотамии, не было места плодороднее, чем это.

Гарбе. Во всяком случае, я не знаю места более любимого. Ну, старина Эккарт, прими наш привет.

Эккарт *(встав, с шапкой в руках)*. Благодарствуйте, господин бургомистр. Только бы дождичек пошел.

Якоб. Дедушка, дождь идет. Мне капля на руку упала.

Эккарт. Одна капля — это еще не дождик, миленький. — Не можете ли вы сказать нам, господин бургомистр, отчего звонят колокола и что за густой дым весь день поднимается над стенами города, словно тяжелое облако, закрывая небо. Если бы и впрямь горел танцевальный дом, вы не были бы здесь.

Гарбе *(значительно)*. Нет, танцевальный дом не горит. О, если бы дело было только в этом! Для чего же тогда у нас залежи глины, формовки для кирпичей, каменоломни, строители? Нет, Эккарт, не спрашивай нас лучше, что означает этот дым, раз уж ты, на свое счастье, не знаешь ничего о нем в своем сельском уединении. А то, что наши старые милые колокольни так неистовствуют, это связано с некими перелетными птицами, которые время от времени, как саранча, налетают на наши вольные города. Поверь мне, Эккарт, ты самый счастливый человек.

Эккарт. По крайней мере не противоположность ему, ваша милость. Но почему вы так думаете, господин бургомистр?

Гарбе. Во-первых, потому, что ты не бургомистр. Затем потому, что ты, несмотря на близость городских ворот, более десяти лет не был в городе. И еще по многим другим причинам, а прежде всего потому, что у тебя есть вот эти два белобрысеньких, которых жена твоего сына родила на радость твоей старости.

Эккарт. Это хорошо сказано, господин бургомистр.

Гарбе. Ну, вы оба, подойдите ко мне!

Якоб. Дедушка, мне первому подойти или Йергу?

Эккарт. Вместе, оба вместе, вы ведь слышали.

Ян Госсерт. Ты ведь никогда не бываешь вторым, Якоб.

Эккарт *(после небольшого раздумья)*. Случается, разрешите мне заметить, что, как ни хочется быть первым, иногда приходится все же быть вторым. И вот вышло, что и этот, хотя он собирался быть первым, вступил в жизнь вторым.

Ян Госсерт. Расскажите же, как это вышло, Эккарт?

Эккарт. А вышло это очень просто; дело было так: когда время подошло, моя сноха взяла в повитухи Доротею Мейлин, жену цирюльника.

Гарбе. Ту самую, что была у Амзингов сперва кормилицей, а потом ключницей?

Эккарт. Она, пожалуй, целый год со дня рождения кормила грудью вашу жену, нашу милостивую госпожу. И, по правде сказать, ей не приходилось в этом раскаиваться, жилось ей неплохо. Она накопила хороший капиталец на службе у Амзингов.

Гарбе. Давайте сядем у родника.

Все садятся.

Мы внимательно слушаем, продолжай свой рассказ.

Эккарт. Ну так вот, Доротея Мейлин была повитухой у моей снохи. И не кто другой, а именно нетерпеливый Якоб первым высунул свою ручонку в этот мир. Я стоял рядом и собственными глазами видел маленький кулачок. Что же сделала Доротея Мейлин? Она обвязала ручонку красной ниткой и сказала так: их двое, но этот будет первым. Ах чтоб тебя! Кулачок с красной ниточкой вдруг скрылся, и всевышний повелел, чтобы не этот непоседа, а терпеливый Йерг первым появился на свет божий. Как бы то ни было, а я желаю вам двух таких сыновей, господин бургомистр. Ни у того, ни у другого нет ни одной дурной черты в характере.

Гарбе *(погладив подошедших мальчиков по голове)*.

И чего только не бывает на свете, что снова и снова заставляет удивляться человеческий ум! Как может нечто такое выйти из чрева матери? И неужели возможно, что через некоторое время я тоже смогу назвать своими двух таких сыновей, в которых кровь моя соединится с кровью Фелиции, породив новое создание божье. Разве естественное не является тем чудесным, поверить в которое труднее всего даже всевидящему праведнику? И разве не чудо — ощущения и представления глухих и слепых, познать которые стремится жаждущий чуда дух? Священное писание, требующее от нас ясного, непрекращающегося чуда творения нового, что у него общего с теми, чье недовольное, нескромное, слепое легковерие безрассудно требует от господа бога дешевых ярмарочных чудес? У тебя еще сохранилась твоя немецкая библия, Эккарт? Не бойся, здесь все свои!

Эккарт. Господин, вспомните, вы сами говорили про птиц, прилетевших через Альпы и Пиренеи и усевшихся там на крышах и башнях.

Гарбе. Что тебе за дело до их стаи? Если только поддаться этим мучителям, то прощай тогда свобода для всех немцев, для всех христиан. Неси сюда твою библию, малодушный!

Эккарт. Она попала ко мне в дом нечаянно, без моего ведома.

Гарбе. Знаю, знаю, еврейский коммерсант, которого ты приютил на ночь, уходя рано утром, оставил тебе эту книгу.

Эккарт. Когда у городских ворот публично сжигали вредные книги, он, роясь среди пепла в поисках бог весть чего, нашел ее нетронутой. Но сперва, господин бургомистр, я принесу вам по чарочке вина из новой бочки, которое удалось на славу.

Гарбе. Пей с друзьями вино, сказала мне моя бедная жена. Пируй и веселись, как обычно... как обычно... ты ведь...

Ян Госсерт. ...это заслужил.

Гарбе. Как вам пришли на ум такие слова, Госсерт?

Ян Госсерт. Вероятно, так же, как они пришли на ум вашей супруге.

Гарбе. Откуда вы знаете, что она именно так кончила свою фразу?

Ян Госсерт. Этого я не знал, я говорил по наитию.

Гарбе. Как удивительно! Ибо она на самом деле закончила так. Но нам с вами нечего говорить о заслугах, хотя добрая жена готова приписать своему мужу любую из них.

Эккарт поставил два серебряных кубка с позолотой и наполнил их красным вином из глиняного кувшина.

(Поднимает полный кубок.) Выпьем этот дар родной земли за здоровье Фелиции.

Все пьют.

(Хочет поставить опорожненный кубок, но его вдруг охватывает легкий испуг. Прислушивается.) Нет! Мне почудилось, что из-за городской стены донесся жалобный крик.

Эккарт. Это галки да вороны, господин бургомистр. Отсюда кажется, что стая маленьких мошек кружит вокруг башен, но, когда ветер подует сюда, их слышно так, как будто они здесь близко.

Гарбе *(с тяжелым, глубоким вздохом)*. Господи боже, как медленно ползет время.

Эккарт. Ваша милость, господин бургомистр, вы что-то сегодня очень бледный и усталый...

Ян Госсерт. Вероятно, от удушливой атмосферы.

Эккарт. Я сказал это потому, что в такие дни господин бургомистр иногда любил, чтобы я ему приготовил ложе для отдыха, вон под теми платанами на горе.

Гарбе. Нет для меня сегодня отдыха, нет мне покоя.

Ян Госсерт *(ребятишкам, уставившимся на бургомистра, который откинулся назад и закрыл глаза)*. Ну, нечего вам здесь больше делать, белобрысенькие.

Мальчики уходят.

(Некоторое время молчит.) Вы ведь сегодня не обедали. Съешьте чего-нибудь, господин бургомистр.

Эккарт уходит в дом. Гарбе и Госсерт остаются одни.

Гарбе *(после небольшой паузы)*. Где я? Извините! Неужели я все-таки заснул?

Ян Госсерт. Вы только что закрыли глаза.

Гарбе. Значит, я видел сон наяву и был одновременно и здесь и там. Я прошу вас, маэстро, не оставляйте меня сейчас, ибо силы покинули меня, как никогда в жизни. Скорее всего я напоминаю утопающего, бессмысленно хватающегося за соломинку, которая все равно не сможет его спасти.

Ян Госсерт. Магнуса Гарбе народ называет Самсоном.

Гарбе. Но, хотя моя жена сущий ангел, а отнюдь не Далила, это не меняет дела: и у меня моя жена отняла все силы. Кто к ней прикоснется, причинит мне боль, кто ее слегка толкнет, сбивает меня с ног, кто причинит ей боль, убьет меня.

Ян Госсерт. Я предсказываю вам божественного сына, Магнус Гарбе, сына молнии. Я видел, как удар шарообразной молнии в купол храма Спасителя совпал с начинающимся материнским страхом вашей жены.

Гарбе. Вы думаете, что бог судил нам высокий удел?

Ян Госсерт. Обернитесь назад, поглядите, что там блестит за городской стеной в мимолетном луче солнца. Это прежний торговый герб Амзингов: знаменитый золотой Меркурий, парящий над золотым земным шаром. Разве вы забыли, что крыша, над которой высится герб, это крыша вашего дома, который можно назвать «К золотому шару». Как не считать такое совпадение хорошим предзнаменованием?

Гарбе. Вы истолковываете все это великолепно, по-королевски. Мужская ветвь Амзингов вымерла. Всевышний дает теперь понять, по вашему мнению, что он все же предначертал старому гербу новый блестящий расцвет. И я стал бы тогда благословенным зачинателем нового рода, в жилах которого благородная кровь Амзингов соединилась бы с животворной кровью Гарбе.

Ян Госсерт. Вот за это я пью свой кубок до дна.

Оба пьют.

Гарбе. Почему то, что лежит в пределах возможного, кажется нам невозможным до тех пор, пока оно не сбудется? Я переживаю сейчас такой момент, когда я одновременно и владею всеми благами и не владею ими, даже более того: я гол и нищ, как во время оно. Вот недавно я сомкнул глаза и стал вдруг маленьким мальчиком, который босиком бегал в город, в дом «К золотому шару», чтобы сдать повару свежевыловленных карпов и щук. И мне почудилось, будто повар сказал: маленький сорванец, знаешь ли ты, что в нашем доме большая радость: наша прекрасная Фелиция, выданная за князя, должна родить ребеночка. И он прибавил: ловите рыбу, приносите дичь, крестины будут небывалыми. А я стоял, и мне чудился ужасный, отвратительный крик, сотрясавший стены дома. Так кричит тот, подумалось мне, кого в сотый раз пытают и в тысячный раз убивают. Только зверь неистовствует так от чудовищной боли, на человеческий голос это непохоже. Между тем челядь заметила, что я дрожу. Меня подняли на смех, и все весело и равнодушно занялись своими делами. Я все еще слышу те душераздирающие крики о помощи; вы видите, моя рука холодна как лед. Можете ли вы мне сказать, кто же я — Магнус Гарбе маленький мальчик или Магнус Гарбе муж Фелиции и бургомистр города?

Ян Госсерт. Причудливо и разнообразно людское бытие.

Гарбе. По отношению к женщине церковь совершила величайшее преступление. Церковь унизила женщину, лишила ее святости. И все же только благодаря ее вечному мученичеству продолжается род детей божьих; ей обязаны жизнью и папы, и священники, и простые смертные.

В начале реплики Гарбе поднимается и уходит с Госсертом в виноградники. Из дома выходит Эккерт с хлебом и сыром на резной тарелочке.

Эккарт. Никого нет! Значит, господа пошли дальше, к платанам, которые посадил сам бургомистр.

Запыхавшись, вбегает цирюльник Ганс Мейлин.

Мейлин. Дядюшка! Спрячь меня, Христа ради, если в тебе бьется человеческое сердце! В городе бушует ад кромешный.

Эккарт. Да успокойся же, на все воля божья. Что случилось? Кто тебя преследует?

Мейлин. Толпа ворвалась в мой дом... Столы, скамейки, шкафы — все полетело на улицу. Они связали мою жену, и монахи-доминиканцы потащили ее на пытку, на виселицу.

Эккарт. Так, значит, вот до чего дошло!

Мейлин. Да, дядюшка, вот до чего они довели. Сначала они подослали в наш дом соглядатаев. Целую неделю подстраивали нам всевозможные каверзы. Незаметно настроили против нас всю домашнюю прислугу. Один из них соблазнил долговязую Магду, чтобы выставить ее против нас как свидетельницу. Доминиканцы часами уговаривали мою жену. Они угрожали ей отлучением от церкви, если она не даст показаний против жены бургомистра. Но что моя жена может показать против нее? Она клялась им снова и снова, что не знает за ней никакой вины. Теперь они поволокли мою жену на пытку, и одному богу известно, что они муками смогут вырвать из ее сердца?

Эккарт. Успокойся, сын мой! Не действуй опрометчиво. Хотя о том, что творится в городе, я знаю больше, чем стараюсь показать, однако то, что ты мне тут наговорил, — боже милостивый! — не укладывается у меня в голове.

Мейлин. Спрячь меня, дядюшка! Они преследуют меня по пятам. Я слышу их голоса, я слышу их шаги. Спрячь меня, дядюшка, спаси меня!

Эккарт вталкивает Мейлина в дом и запирает за ним дверь. Вбегает Гесвейн.

Эккарт. Ты кого-нибудь ищешь? Что нового, Гесвейн?

Гесвейн. Слава богу, что ты здесь. Я ищу бургомистра.

Эккарт. Что случилось? У тебя вид, как у человека, только что сорвавшегося с виселицы.

Гесвейн. Друг, скажи, где бургомистр?

Эккарт. Он только что пошел в горы с художником Яном Госсертом.

Гесвейн. Туда? Или туда? Говори скорее!

Эккарт. Подожди, надену башмаки, один ты не найдешь.

Гесвейн. Башмаки? Иди босиком, Эккарт! Одна потерянная минута может погубить все.

Эккарт. Скажи, Гесвейн, это верно, что они вопреки закону подвергли пыткам жену моего племянника?

Гесвейн. Против расправы Римского трибунала бессильны все законы. Если б я хотел и у меня было время все рассказать, ты бы еще не то услышал. Скажу только: не верь, что есть кто-нибудь — будь он знатен или простого сословия, мужчина или женщина, спит ли он на соломе, или на пуховой перине, — кто мог бы не бояться этих злодеев в рясах.

Эккарт. Пойдем же, поищем бургомистра!

Гесвейн. Ни одна куница, забравшаяся в голубятник, не зверствует так, как этот патер в нашем городе.

Эккарт. Стой! Кто это бежит там по тропинке?

Гесвейн. Слушай, если ты будешь медлить, то жена бургомистра умрет от ужаса в вонючем подвале тюрьмы или родит свое дитя под ударами палачей.

Эккарт. Тебя, верно, укусила в башку змея или ядовитая муха. Да никто не поверит, что ты в здравом уме, если услышит, какой ужасный вздор ты несешь.

Доминик *(вбегая)*. Помогите, я ищу бургомистра!

Эккарт. Мы тоже ищем его.

Доминик. Помогите скорее найти бургомистра! А еще лучше возьмите топор и убейте меня, чтобы мне не видеть и не слышать самого ужасного. От страха я совсем обезумел и даже не знаю, как я сюда добежал. Не пойму, во сне я или наяву, говорю ли я здесь с вами, или сплю, сомкнув глаза. Вы ли это, Эккарт и Гесвейн? Или я уже брежу, потому что и меня укусил пятнистый бешеный дог. Кто вы, люди или привидения? А это действительно виноградники Магнуса Гарбе? А вон те чужие стены и башни — это действительно сте-

ны и башни нашего родного, богатого и трудолюбивого города? Или, может, все это стало местом ужаса и проклятия, где звериный вой и зубовный скрежет заполнили все дома, площади, переулки до самых глухих уголков?

Эккарт. Опомнись, Доминик, соберись с мыслями. Я — Эккарт, а это виноградники Магнуса Гарбе. У вас у обоих ум за разум зашел. И что вы мелете о жене бургомистра?

Доминик. А ты не знаешь? Не дошло еще до твоих ушей? На виду у всего рынка, на виду у всего города, на виду у городской стражи, стоявшей перед ратушей с полковником Килианом во главе, на виду у знатных господ, членов муниципалитета и сенаторов, которые стояли наверху, у окон ратуши, бездействовали и глазели сложа руки, на глазах у всех монахи выволокли из дома, из постели мою добрую госпожу Фелицию и под рев беснующейся толпы потащили ее в тюрьму. Превратись в камень, старый Эккарт, иначе ты не выдержишь, оборвется у тебя внутри пружинка. Бедняжка так кричала, что ее скорбный душераздирающий крик заглушал вой толпы на площади. Она вся извивалась в родовых муках. И, может быть, по дороге в тюрьму, прямо на улице, на глазах у всех, под насмешливыми выкриками черни, а может, и под ударами она разрешилась от бремени. И, боже праведный, все как один кричали, что ее надо побить камнями!

Эккарт. Если ты действительно в своем уме, в чем я сомневаюсь, а то, что рассказал ты, истинная правда и это действительно произошло среди жителей нашего некогда славного города, — значит, лжет писание, значит, не покарал господь жителей Содома и Гоморры, не истребил их горящей серой и смолой, а нарядил их в католические рясы и пустил как опустошающую чуму по белу свету. Тогда, значит, нет у господа бога сострадания, нет милосердия! Значит, нет у Иисуса Христа и у пречистой всепрощающей богоматери ни милости, ни милосердия!

Гесвейн. Ну, а где же бургомистр?

Эккарт. Вот он... направляется сюда. Отойдите, дайте мне побыть одному и подумать, как рассказать

ему эти ужасы и не убить его! Но сначала дай мне твою руку, Доминик, что все было так, как ты рассказал.

Доминик протягивает ему руку.

Невозможно! Я не могу поверить этому, ты бредишь. Ты должен дать священную клятву.

Доминик поднимает правую руку для клятвы.

Зайдем сначала в дом. Я все же не могу поверить вам. *(Уводит их.)*

К дому спускаются Гарбе и Госсерт.

Ян Госсерт. В Падуе и Венеции у меня сложилось совершенно новое понятие о нашем божественном искусстве.

Гарбе. А я вывез оттуда новое понятие о жизни. Поистине родина познается только на чужбине. А возвращаясь на родину к знакомому и близкому, как бы привозишь с собой кусочек чужих краев, широких просторов и далей земных. Знаете что, Госсерт, если это будет мальчик, вы сможете год или два по вашему выбору прожить в Венеции или во Флоренции, у нас ведь там тоже есть фактории. *(Кричит.)* Эккарт! Мне показалось, что через садовую калитку входили какие-то люди.

Оба снова садятся у колодца.

(Продолжает.) Видите, теперь я спокойнее и тверже. Прогулка в горах, по лугам и долинам, по знакомым и любимым местам моего двойного счастья навеяла мне настроение благодарности и преданности всевышнему.

Из дома выходит Эккарт.

Гарбе. А вот и ты. Спрашивал меня кто-нибудь?

Эккарт. Насколько мне известно, никто, господин бургомистр.

Гарбе. Меня охватывает какая-то странная, почти блаженная усталость. Будто только сейчас закончились наконец чьи-то страдания... Дождик! В самом деле пошел дождь! Воистину долгожданный дождик, которого так страстно жаждали и столько вымаливали. Теплый частый дождь струится на сухую исстрадавшуюся зем-

лю. А сколько было молитв, процессий, церковных служб! Он ложится сначала как густая роса, затем течет, бежит, струится все сильней и сильней. Вот и сошел внезапно спаситель, о котором так неистово взывали к свинцовому небу. Повсюду каплет и растекается небесная благодать. Удивительно спокойно, будто освобожденная от гнета, течет моя кровь по сосудам, которые так недавно готовы были лопнуть под ее страшным напором. Рассказал ли я тебе, старина, какое счастье должно выпасть на долю моего дома и какую весть я здесь ожидаю? Знаешь ли ты, какого подарка удостаивает господь своего слугу, а твоего господина? Знаешь ли ты, что теперь происходит у меня дома, пока мы здесь беседуем? Если родится девочка, ты получишь новый дом, а если мальчик, то я дам тебе вольную! Слышите... благодарственный звон колоколов.

Эккарт *(громко и искренне молится)*. Ave Maria, gratia plena! Dominus tecum, benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Jesus! Sancta Maria, mater Dei, ora pro nobis peccatoribus nunc et in hora mortis nostrae. Amen[1].

Госсерт. Посмотри, Эккарт, он уснул от усталости.

Эккарт. Благо ему, что он уснул.

Госсерт. Уже вечереет. Его день был тяжелым, полным забот и напряжения.

Эккарт. Прошу вас, маэстро, зайдемте в дом.

Госсерт. Как он глубоко дышит! Смотрите, как он судорожно вздрагивает! Не сразу затихают тревоги суеты мирской. Редко сон бывает таким заслуженным.

Эккарт. И редко у кого пробуждение будет таким ужасным, как у него. И все же мы должны будем вскоре разбудить его. Зайдемте в дом, маэстро, помогите нам, я должен многое рассказать вам.

Оба уходят в дом; спящий Магнус Гарбе остается один; в церкви продолжают звонить. Медленно приближается доктор Ансело; он замечает спящего бургомистра, останавливается, тихо стоит, вздыхает и проводит рукой по лбу.

[1] Радуйся, Мария, полная благодати! Господь с тобою! Благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего. Иисус! Святая Мария, матерь божья, молись за нас грешных теперь и в час смерти нашей! Аминь. (*Лат.*)

Гарбе *(открывает глаза и долго смотрит на пришедшего)*. Если я не ошибаюсь, доктор Ансело?

Доктор Ансело. Да, это я. Вы не ошиблись.

Гарбе. А я все еще не уверен, так ли это. Меня одолела усталость, и я уснул. И в глубинах души есть живые картины.

Доктор Ансело. Я разбудил вас. Но этим я не сделал вам ничего хорошего.

Гарбе. Если так, я ни о чем больше не спрашиваю. Вы пришли сказать, что жена моя умерла от родов?

Доктор Ансело. Нет, она не умерла. Но все-таки я пришел не с той вестью, с какой хотел бы прийти к вам, Магнус.

Гарбе. Она родила мертвого ребенка?

Доктор Ансело. Нет, у вас есть теперь сын, Магнус!

Гарбе. И вы хотели прийти ко мне с лучшей вестью? Лучше этой, доктор Ансело, быть не может! *(Обнимает доктора.)* Но почему вы стоите неподвижно, почему вы не хотите обнять меня? Правда ли, что Фелиция жива и родила наследника? Но откуда тогда эта окаменевшая скорбь на вашем лице? Скажите лучше... скажите прямо, что она умерла и ребенок был мертвый! Чего же еще больше? И ангел, явившийся мне во сне, во время церковного звона, был не архангел Гавриил, а мой ангел смерти.

Доктор Ансело. Но я уже сказал вам, и так оно и есть: мать и ребенок — оба живы, Магнус.

Гарбе. Так, может быть, оба смертельно больны?

Доктор Ансело. Нет, они не больны. Запомните это твердо, Магнус! Клянусь вам всей серьезностью того, что я должен вам открыть. Мать и ребенок здоровы, держите это в памяти покрепче.

Гарбе. При ваших словах мою душу охватывает странный, леденящий холод. Стоит только на вас взглянуть, и становится ясно: случилось что-то необычное. Но я не хочу еще знать, что именно случилось. Не хочу знать, какое ледяное дыхание овеяло вашу душу. Вы — прежний и вместе с тем совсем другой, доктор

Ансело. Что-то наполняет все ваше существо, бóльшее, чем вы сами.

Доктор Ансело. Все так и есть, как вы сказали, господин бургомистр. Узнаю Магнуса Гарбе, который понимает и то, что не было сказано. Во всех нас есть нечто большее, чем мы сами. И если я окаменел и от меня веет холодом, то только потому, что я сделал над собой страшное усилие и победил самого себя. Вы хорошо делаете, что не задаете вопроса прежде, чем вы, как опытный кормчий в бурю, на гребне горой поднявшейся волны, в самый страшный и в самый мрачный день вашей жизни не почувствуете твердой уверенности в ясном разуме, неробеющем сердце и крепкой руке на штурвале.

Гарбе. Тогда я попрошу моего бога ниспослать мне силы.

Доктор Ансело. Да, Магнус, соберите все ваши силы! Если вы вызовете в памяти все события вашей жизни и ваш внутренний суд отберет самые храбрые, самые отважные и рискованные из них и если он затем взвесит ваши спокойные обдуманные действия, разумную осмотрительность, несгибаемое сопротивление, которые были необходимы для успеха, — то вам станет ясно, что только теперь предстоит самое тяжелое испытание всей вашей жизни. Испытание, почти превышающее человеческие силы, выдержать которое может лишь исключительно сильный, мудрый и отважный человек.

Гарбе. Дайте мне немного подумать, доктор. Когда такие слова идут от мужчины к мужчине, то становится ясно, что пробил роковой час. Все же, мой злой вестник, я приму ближе к сердцу ваш совет и предостережение. Я перебираю в памяти, как вы того хотели, события моей жизни и пока ничего не спрашиваю.

Доктор Ансело. Магнус Гарбе! Давайте будем спокойны по мере сил. Будем мудры, как мудрейшие в мире! Будем говорить и действовать исходя из того, что наша жизнь на земле — это жизнь изгнанников проклятых, а весь срок ее — лишь мимолетный час!

Вспомните Сенеку, Марка Аврелия. Давайте проведем эту ужасную беседу в духе стоического спокойствия и равнодушия.

Гарбе. Я хорошо понимаю, что это мне необходимо. Правда, жизнь моя не была ни мимолетной, ни жизнью изгнанника и меньше всего была проклятием. Чтобы быть сильным и постоять за себя, когда это необходимо, я до сих пор совершенно не нуждался в обесценивании жизни.

Доктор Ансело. Даже самый великий из флорентийских гибеллинов назвал мир адом, Магнус. И правильно поступает тот, кто относится к жизни так же. Вспомните, что сейчас творится именем бога по всей Верхней и по всей Нижней Германии: нищета, мор, чума, убийства! А вам разве удалось остановить бешеную свору у ворот города?

Гарбе. Нет, не удалось! Но они ворвались в город только с третьей попытки; после того как их поддержали император и папа.

Доктор Ансело. А вы подумали... Спросили себя, когда они уже проникли в город: может ли теперь кто-либо — будь он настоятель собора, сенатор или даже сам бургомистр, — может ли он быть уверенным в своей безопасности от зубов «псов божьих», как они сами себя называют?

Гарбе. Да! В моей неприкосновенности я вполне уверен.

Доктор Ансело. Ну, а если они все-таки осмелятся выступить против вас, чтобы отомстить вам, как это удалось им сделать в Вюрцбурге, Бамберге и многих других цветущих городах, где они расправились с бургомистрами и членами магистрата?

Гарбе. Я уверяю вас: они не посмеют сделать этого. Ну, а если бы они осмелились, я с позором вышвырнул бы из города весь этот римский сброд.

Доктор Ансело. С чьей помощью хотите вы сделать это?

Гарбе. С помощью всех граждан города, крестьян и воинов!

Доктор Ансело. Тогда будьте готовы к этому, Магнус Гарбе!

Гарбе. Вы говорите: «Будьте готовы». К чему быть готовым?

Доктор Ансело. К тому, чтобы вступить в последнюю схватку с ужаснейшим из всех врагов — око за око и зуб за зуб.

Гарбе. О, если дело только в этом, то я могу вздохнуть свободнее. Послушайте, доктор Ансело! Вы ведь должны знать из наших бесед, что я почти желал такого случая. Мы стали слишком вялыми. Нам лень подняться с нашей постели, пока кулак врага стучит в ворота наших друзей.

Доктор Ансело. Ну, а теперь он стучит в ворота вашего дома.

Гарбе. Опять вы меня озадачили! Как мне понимать вас?

Доктор Ансело. Понимайте в точном, буквальном смысле слова, как если бы много грубых кулаков стучали в дверь.

Гарбе. Кто посмел бы стучать в мою дверь кулаком? Говорите скорее, не доводите меня до безумия! Если эти рясы действительно затеяли против меня какие-нибудь интриги, если они обвинили меня перед сенатом, перед судом городским или церковным, то я с помощью божьей раздую по всей Германии такой огонь, что он сметет всех их вместе с кострами, на которых они сжигают заживо наших мужчин и женщин, детей и стариков!

Доктор Ансело. Скорей бы пришел день этого святого пожара, Магнус! Если бы была надежда, хоть небольшая надежда на такое очищение огнем, то мученичество пусть даже благороднейшей женщины не было бы слишком дорогой ценой.

Гарбе. При чем тут женщина, доктор Ансело? Когда дело дойдет до борьбы, нужно, чтобы поднялись мужчины; и мужчины с силой Самсона, хотя бы и слепого Самсона, уничтожат это римское отродье кровопийц и разрушат их храм Ваала! Горе любому из них, кто осмелится переступить мой порог.

Доктор Ансело. Ну, а что если патер Гисланд уже переступил ваш порог? Магнус Гарбе, вы должны быть сильным! Не смотрите так, Магнус Гарбе: на си-

ле ваших плеч и на зоркости ваших глаз держится все— все, что еще можно спасти! Вы не вступили на нужный путь, господин бургомистр. А вот патер Гисланд, руководимый своим господином, сатаной, стал на этот путь.

Гарбе. На какой путь?!

Доктор Ансело. Поразить ненавистного врага в такое место, которое не защищено и наиболее уязвимо.

Гарбе. Вы не оставили мне никакого другого предположения. Вы оттеснили все мои помыслы на один путь и одну цель. Но я еще закрываю глаза и не смотрю. Я не хочу и не имею права взглянуть. Горе мне, если я посмотрю и увижу то, что предполагаю и что может быть только ужаснейшим кошмаром тяжелого дурного сна! Вы смотрите на меня в упор, но заблуждение, принятое за истину — хотя бы на одно мгновение, — сразило бы меня, как удар топора. Скажите мне... Скажите же мне, доктор Ансело, должен ли я все же открыть глаза!

Доктор Ансело. Вы не имеете права падать духом. Вы должны узнать всю правду и оказаться достаточно сильным, чтобы она не сломила вас.

Гарбе. Хорошо. Я вынужден понять, что порог моего дома уже перешагнула свора псов, вынюхивающих ересь. Но я же добрый католик, верующий христианин, что они могут иметь против меня и моей семьи?

Доктор Ансело. Магнус Гарбе, не обманывайте сами себя! Что удалось первосвященникам и фарисеям в отношении Христа, тем более должно удаться патеру Гисланду против слабой женщины; тем более что церковь заклеймила женщину как естественное и любимое орудие сатаны.

Гарбе. Говорите все до конца. Я не дрогну.

Доктор Ансело. Вы сами постигнете всю суть вашим твердым проницательным взглядом, и пусть не ослабеет ваша твердая испытанная рука. Знайте же, ваша жена — святая! Будьте столь же сильны в ваших действиях, как она в терпении, и тогда весь мир выведет вас обоих с триумфом из этого испытания.

Гарбе. Скажите все, я не дрогну! Скажите, не случилось ли с ней того же, что произошло с женой городского синдика в Трире, которую в родовых муках взяли из постели и поволокли в тюрьму? Скажите, не родила ли Фелиция, жена Магнуса Гарбе, в тюрьме, в камере пыток? Вы молчите? Вы молчите?

Доктор Ансело. Я не могу сказать вам — нет.

Гарбе падает без сознания. Из дома, рыдая и всхлипывая, выбегают Ян Госсерт, Эккарт, Доминик и Гесвейн. Все хлопочут вокруг лежащего без чувств бургомистра.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тюрьма. Большое и пустынное помещение в одной из башен городской стены с высоким потолком, почерневшим от копоти; в плоской стене камин, в нем видны тлеющие угли. Вокруг, как в кузнице, разбросаны железные клещи, молотки и прочие инструменты: это принадлежности для пыток. В глубине видны также дверцы, окованные железом, закрывающие проходы в тюремные камеры. Одна из дверей расположена обособленно и ведет на винтовую лестницу. В полукруглой наружной стене башни открыта дверь. Оттуда проникает свет фонаря; он ложится ярким пятном на грязный каменный пол, он не может рассеять мрак помещения. Около этой двери свешивается толстая веревка колокола. В открытую дверь видны крытый проход в недалеко расположенную церковь и черепичные крыши домов. Палач Адам и его подручные Герг и Гейнц сидят на корточках вокруг скамеечки, на которой стоит кубок с игральными костями. Они по очереди пьют из большой кружки и по очереди читают лежащий на той же скамеечке счет. Небольшая колыбель с новорожденным стоит посреди помещения. Ночь.

Герг *(читает)*. «За облитого маслом и сожженного еретика — двадцать четыре флорина, за четвертование живым — пятнадцать флоринов тридцать крейцеров, за отсечение головы мечом и последующее колесование — десять флоринов, за повешение одного человека — десять флоринов, за четырех еретиков, сожженных живыми, — тридцать флоринов».

Гейнц. Ремесло наше процветает, мастер Адам! Не мешало бы вам еще раз послать меня с пустым кувшином к кабатчику.

Адам. Ты прав. Ступай, Гейнц, во имя трех чертей... Иди! Клянусь пречистым телом матери божьей, пресвятой богородицы, пусть мне отрубят голову, четвертуют, сожгут заживо на костре и пропустят через

все пытки, если у меня в кармане когда-либо была хоть половина такого заработка.

Герг. Нет большего удовольствия для охотника чем то, когда рьяная свора загоняет дичь в его силки.

Адам. Мастер Франц, палач из Бамберга, мне это давно предсказывал, как только монахи-проповедники двинулись из Франции в Германию. Он уже тогда говорил: «Они проявят у вас свой нрав, по-своему распорядятся, узнаете вы и костры и пытки. Вот так же, как в Нюрнберге, Бамберге, Ульме, Утрехте, Аррасе и Брюсселе. Против стаи римских черно-белых сорок, для которых и Альпы оказались не слишком высоки, стены немецких городов не защита. И никакой бургомистр вам не поможет, хотя бы он и звался Магнус Гарбе». Ну что же, мне это на́ руку, Гейнц, мне это подходит, Герг! Слышишь, как они звякают! А что я могу поделать? Даже если бы меня заставили колесовать самого Христа с его двенадцатью апостолами...

Герг. А знаете ли вы, мастер Адам, что насмешники называют вашу башню городской управой?

Адам. И зря, покуда сам бургомистр еще не в клетке. Меня удивляет, сколько же ему еще бродить на свободе! Ведь тюремная дыра возле отхожего места готова для него давно.

Гейнц *(подойдя к колыбели)*. Я считал, что бургомистр лежит здесь.

Адам. Трижды перекрестись, Гейнц, и покропи его святой водой. Вот бутылочка. Иначе тебя отравит яд, который эта тварь выделяет из всех пор словно пот. Клянусь кровью святых, пусть меня лишат царства небесного, если это отродье не носится целыми ночами по улицам в виде жабы, кошки или пятнистого дога и не творит своих темных дел.

Ребенок начинает кричать.

Герг *(испуганно прыгает назад и произносит заклинание)*. Вилле вау-вау-вау, вилле вау-вау-вау! Витто гу!

Гейнц и Адам разражаются громким хохотом.

Гейнц. Берегись, Герг, ты разбудил отродье ведьмы, теперь ты не сможешь мочиться четырнадцать дней.

Герг. А не будет ли добрым делом — продавить большим пальцем череп этому чертенку?

Адам. Зачем тебе опережать намерения монахов? Его и так скоро сожгут на костре вместе с матерью.

Герг. До этого он сможет десять раз заколдовать мой мужской пыл.

Гейнц. А, ерунда, для защиты повесь себе кусочек мандрагоры, вот как у меня.

Адам. Однажды такая проклятая ведьма, вроде нашей бывшей бургомистерши, заколдовала у одного мужской пыл. И как вы думаете, где же он нашел то, что потерял? Разрази меня гром! Поверите ли?.. В лесу, в дупле дерева, да еще в птичьем гнезде, там сидело — а чтоб ее! — около двадцати пылких птенчиков. Пищат, широко раскрывают клювы и хватают зернышки, комаров, мух. Ну, объегоренный ведьмой бедняга сейчас же схватил самого толстого птенца, но тот закричал: я не твой, я принадлежу святому отцу настоятелю францисканского монастыря.

Грубый смех. Ругаясь, входит служанка Аполлония, становится на колени у колыбели и качает ее.

Аполлония. Эй вы, преступный сброд, оставьте ребенка в покое!

Герг. Вилле вау-вау-вау! Вилле вау-вау-вау-вау! Витто гу!

Адам. Берегитесь, ребята, она царапается и кусается. Всесильный доктор Ансело просил ее позаботиться об этой дьявольской поросли.

Гейнц. Как ты думаешь, Аполлония Фишроссин: если какой-нибудь честный малый, вроде нас, например, связался бы с бургомистершей, — не произвела бы она скромно и честно на свет порядочного христианина?

Герг. Скорее кошачий приплод, Гейнц.

Аполлония. Могу поверить, что такой козел, как ты, не откажется и от несчастной замученной ведьмы.

Гейнц. А что, клянусь сыном святой Марии, если только тело у ведьмы полное. И я, Аполлония, не был

бы первым благочестивым немецким парнем, который готов связаться с чертом и его бабушкой.

Адам. Сколько себя помню, сказать правду, такого белого тела мне не приходилось подвергать пытке.

Гейнц. Ох, проклятье, как у меня вдруг стало на душе, когда она сказала, что с самого детства не знает такого греха, в котором бы не покаялась на исповеди; как у меня стало на душе, когда почтеннейший патер-инквизитор тут же велел сорвать с нее одежды. Если бы я ложился с ней в постель, то я и тогда не смог бы сорвать с нее одежды быстрее, чем я это сделал. Она стояла совсем нагая, а у меня текли слюнки.

Герг. И у меня, когда мастер Адам хватал ее щипцами то там, то здесь, да так, что красные пятна запылали на ее коже, а потом поднял с пола отбивавшуюся женщину.

Аполлония *(грубо)*. Конечно, на соборной площади было слышно, как она кричала.

Адам. Что ты смыслишь в моем искусстве, деревенщина! Если бы я не нападал на нее так внезапно и не поднимал ее, чтобы оторвать ноги от земли, она перебила бы молниями всех нас да еще полгорода.

Аполлония. Это так, если женщина — ведьма. Но говорят, что, когда ее подвесили, она совсем утихла.

Адам. Дура! Я не знаю, была ли ведьмой толстая лотошница, или жена ювелира, или экономка настоятеля собора, или наша щеточница; я не знаю также, занимались ли черной магией и развратом с нечистой силой управитель Геринг, экипажный мастер Вунт, магистр Йоганн Текстор или наш смотритель госпиталя. Может быть, благородные юноши фон Ратценштейн и фон Ротенган были и невиновны. О хормейстере и слепой девушке я тоже ничего не скажу. И все же всех их сожгли на костре, и от них остался лишь пепел. Но что касается бургомистерши, то я клянусь, что она с детства была ведьмой. Она ни в чем не призналась, не сказала ни словечка. Подвешенная на веревке, она уснула, потому что ей ведомо Maleficium taciturnitatis [1]. Напрасно мы выстригли ей волосы под мышками и на срамном месте,

[1] Преступление молчания. (*Лат.*)

напрасно также почтеннейший патер Гисланд влил ей в рот святой воды и обвязал ей голову заклинанием. Ни слезинки не пролила эта стерва. Пусть меня тут же поразит черная чума, если такая упрямая и коварная чертова шлюха, как она, не летала по ночам на помеле.

Герг. Ты думаешь, когда мастер хлестал ее шпицрутенами, она хоть раз вскрикнула? А ведь шпицрутены сначала покропили святой водой.

Гейнц. До того, как ее схватили, у нас была засуха, а теперь пошли дожди, которые грозят затопить поля. Откуда это? Каждый знает: потому что ее не сжигают на костре, все время откладывают.

Адам. Да как ее сожжешь, когда с небесного трона непрерывно льется вода, словно из ванн и бочек. Что тут другое придумаешь? Тут замешан сам князь тьмы, который не хочет допустить, чтобы сожгли его любовницу. Для маленького плохонького черта бургомистерша слишком дорогой кусочек... Тсс! Убирайтесь отсюда. Доминиканцы идут.

Все, кроме Адама, уходят. Входят два доминиканца — брат Томас и брат Рейнгольд — и направляются к колыбели.

Томас. Во имя отца и сына и святого духа, во имя всеблаженнейшей матери божьей, подойди ближе, брат Рейнгольд, не бойся, только не коснись ребенка или колыбели! Взгляни-ка на него. Несомненно здесь лежит отродье дьявола, хотя и есть такие члены магистрата, которые отрицают это. Но их закоренелое упорство покоится на злой воле. Осторожности ради покропим его святой водой! Подойди ближе! Я без боязни прикасаюсь к нему, потому что руки мои омыты водой святого Иоанна. Смотри внимательно, чтобы в будущем самому разбираться в этом. Во-первых, видишь за ухом метку дьявола? Как ты знаешь, она красноватая, величиной с горошину. Хочешь — это место нечувствительно — можешь проколоть его. Разрежь его — и кровь не потечет. Такие знаки делает особый демон с помощью когтя своего мизинца. Смотри, я поворачиваю маленькое исчадие ада! Видишь, вот снова явный признак, который больше, чем признание распутной матери, выдает происхождение этого выродка от нечистого духа. Я колю это место. Смотри! — Ни боли, ни крови!

Рейнгольд. Мне кажется, знак похож на маленькое копыто.

Томас. Наш достойнейший и высокоученый патер-инквизитор заверил меня, что найдено много подобных знаков; они удивительно похожи то на заячью ногу, то на лапу лягушки, то на паука или кошку. Таких знаков найдено много. А вот этот — ты прав — похож на лошадиное копыто.

Адам. С вашего разрешения, брат Томас. Если вы хотите увидеть доподлинную печать сатаны, то приподнимите этому червяку язык, там еще в мягкой десне я обнаружил ядовитый зуб, вставленный самим Асмодеем, отцом его.

Томас. Посмотрим! Вот он! Взгляни-ка, брат Рейнгольд! — Вы правы, мастер. О том, что вы нашли, будет приятно узнать высокочтимому патеру-инквизитору. — Дело совершенно ясное, и лучшего доказательства действия нечистого духа, пожалуй, не придумать. Раньше, брат Рейнгольд, ты это должен знать, черти устраивали себе убежище даже в статуях так называемых древних богов. Где ересь, там и ведьмы. Неясно еще только одно: была ли мать этого выродка совращена нечистой силой, или она сама дьяволица. Если же она сама дьяволица, то, значит, она совратила Магнуса Гарбе, что, во всяком случае, подтверждает бешеная любовь, слепая, грешная, преступная любовь Магнуса Гарбе и его преданность жене. С другой стороны, прекрасных дочерей человеческих охотно соблазняют нечистые духи. Они становятся их любовницами и потом используются для соблазна и для завлечения христиан в сети ада, разврата и вечной гибели. Зайдем теперь в камеру еретички.

Адам. С вашего разрешения, брат Томас, она все еще упряма, как ослица, она не хочет исповедоваться у доминиканца, она требует августинца.

Томас. Откройте, во имя господне! Нам хорошо известно, что она упряма. Разве она признала то, что под пыткой подтвердили свидетели? Упаси бог! Она, видите ли, никогда не разбрасывала дьявольский порошок, не выкрикивала заклинаний, чтобы испортить погоду. Упаси бог! Она не насылала ни засухи, ни крыс, ни бешеного дога, не вызывала ни непогоды, ни шарооб-

разной молнии, которая ударила в храм Спасителя и расплавила распятие на груди высокочтимого господина патера-инквизитора. Она так упряма, что ни разу не заплакала. Патер-инквизитор положил ей руку на голову и заклинал ее горькими слезами Спасителя: «Заклинаю тебя горькими слезами Спасителя, — сказал он, — и горючими слезами пресвятой богородицы, заклинаю слезами всех святых, — если ты невиновна, то пролей хоть слезу, а если виновна, то не плачь». Но и после этого она упрямо молчала, а глаза остались сухими. Во имя нашего господа и Спасителя Иисуса Христа открой тюрьму. Мы не боимся упрямства ада!

Адам открывает одну из дверей и уходит вместе с монахами. Появляется служитель ратуши Гесвейн.

Гесвейн. Аполлония!

Аполлония. Я здесь, господин Гесвейн.

Гесвейн. Ну, как ребенок? Как чувствует себя госпожа Гарбе?

Аполлония. Монашеская братия кружится над ребенком, как навозные мухи над куском сырого мяса. Когда дело дойдет до того, что мать бросят на костер, то вместе с ней они сожгут и ребенка.

Гесвейн. «Когда дело дойдет», «когда дело дойдет»!.. Боже милосердный, оно уже дошло до этого. Зайдет в конце концов и подальше и нас захватит, Аполлония. Вот я принес бумагу из магистрата; она давит мне сердце, как мельничный жернов. Плохо стало в нашем городе, плохо. Вы ведь не знаете еще, что там произошло. Чернь собралась около ратуши. Толпа крикунов ворвалась в зал заседаний и вынудила магистрат принять вот это решение.

Аполлония. Что за решение, господин Гесвейн?

Гесвейн *(всхлипывая и дрожа)*. Погоди-ка, я успокоюсь, соберусь с силами. Три недели назад, когда толпа притащила госпожу Фелицию в тюрьму, начались дожди. Простой люд прыгал от радости, шлепал по лужам и кричал, что бог сменил гнев на милость, что божий гнев умиротворен. Но вот дожди превратились буквально в потоп и стали заливать поля. Теперь народ стал кричать, что дело, мол, в том, что бургомистершу

не подвергли заслуженной казни, не сожгли на костре. Никакие доводы не помогли, и пришлось вынести приговор. Новый бургомистр вышел на балкон. Тщетно: ревущая чернь неумолима. «Вспомните, — кричал он, — что это жена Магнуса Гарбе, вашего бывшего всеми почитаемого бургомистра, которого вы сами называли отцом бедных! Подумайте и о том, что вина ее, по мнению нашего всемилостивейшего князя и повелителя, господина епископа, не доказана до конца». Боже милосердный, какой поднялся вой! Я думал, что тут же рухнут ратуша, башни и городские стены. Никогда не слышал я такого воя, рева и визга: «Колесовать Магнуса Гарбе, отрубить ему голову, четвертовать его и выставить части его тела у всех городских ворот». Кричали, что он вор, изменник, любовник ведьмы! Жену его надо растерзать раскаленными клещами, выжечь ей глаза, вырезать язык и, привязав ее нагую к ослу, провезти по всему городу под ударами кнута. «Ну ладно, — сказал новый бургомистр, — завтра рано утром будем опять казнить огнем. За свои грехи сгорят на костре Доротея Мейлин, старый слуга бургомистра Доминик и старый Эккарт, винодел Гарбе». Но монашеская братия шныряла в толпе, повсюду нашептывая, чтобы чернь не соглашалась и не прекращала своего буйства. «Нет! — кричали все. — Никогда! Мы хотим видеть на костре бургомистершу, или мы зажжем город со всех четырех сторон». И впрямь они не бросали слов на ветер, потому что уже загорелась крыша дома, где жил Гарбе, и пламя вырывалось из всех окон. Сделай, Аполлония, все, что в твоих силах, вот деньги, облегчи последние часы несчастной, насколько можешь!

Аполлония. Значит, вы уверены, что завтра утром она должна будет умереть?

Гесвейн. Вот уже приказ палачу. Завтра в это время от нее не останется даже кучки пепла.

Входят доктор Ансело и доктор Вик.

Доктор Ансело. Ты еще тут, честный Гесвейн! Я знаю твое доброе сердце. Тебе так же тяжело, как и нам. Избавился ли ты уже от проклятого письма, передал ли палачу приговор?

Гесвейн. Нет еще.

Аполлония. Мастер Адам и доминиканцы сейчас у бургомистерши.

Доктор Ансело. Что стало бы с несчастной грешной германской нацией, если бы досточтимые проповедники, вся эта монашеская братия, не держали ее в страхе, всегда и везде угрожая адским огнем. Да и кому могло бы удаться это, не разложи они публично перед церквами и ратушами германских городов костры адского пламени, над которыми, как над огнедышащей бездной, клубится зловещий черный дым.

Возвращаются Адам и оба доминиканца. Монахи выжидающе остаются на заднем плане.

Адам. Чему я обязан, именитые господа, что мне оказывается честь в час, когда густой мрак ночи бушует на улицах имперского вольного города?

Доктор Ансело. Когда умер Спаситель, задрожала земля и померкло солнце. Почему и сейчас не случиться тому же, почему бы не разорваться занавесу в храме господнем? Ведь бесчестие, грех и безумие готовы, как в дни Содома и Гоморры, пожать плоды своих грязных дел. Госпожа Фелиция Гарбе будет завтра — ad maiorem dei gloriam [1] — сожжена на костре.

Адам *(равнодушно вертит в руках приказ)*. Напрасно, значит, могущественный Магнус Гарбе привел в движение небо и землю. Он не смог воспрепятствовать этому. Я умываю руки, господин доктор.

Доктор Ансело. Магнус Гарбе теперь сломленный человек. Ужас парализовал его, когда в виноградниках за городом он узнал, что его любимая жена схвачена монахами и брошена в тюрьму. А сегодня пламя пожирает их дом, прекрасный старинный дом семьи Амзингов. Завтра от него останутся лишь груды дымящихся развалин. Золотой шар Амзингов скатился в уличную грязь.

Томас. Позвольте, вы сообщаете о больших событиях, господин сенатор. Мы всегда считаем, что свершается нечто великое, если бог обращает сердца людей

[1] К вящей славе бога. (*Лат.*)

к истине. А истина в данном случае сочетается с духом послушания. Хвала всевышнему, если светские власти действительно снова обрели дух божественного послушания. Конечно, были светские государства, в которых удачно правил светский разум. Но истинная справедливость господствует лишь в такой общине, которая основывается и руководствуется словом Христовым. Только мягкотелые христиане выступают против vivicomburium [1]. Только слабые плачут, а не радуются, когда господь бог обрушивает справедливую кару на своих врагов. Если бы существовало еще более суровое наказание, чем казнь огнем, его нужно было бы применять к еретикам. Братоубийство и даже отцеубийство — незначительные преступления по сравнению с ересью. Кто только поздоровается с еретиком, тот уже осквернил себя, и во много раз больше оскверняет себя тот, кто заступается за еретика. Дети еретика также становятся оскверненными. Даже если они хорошие, правоверные католики, это нисколько не меняет дела. Их изгоняют из дома. Им оставляют только жизнь и ничего больше, какими бы богатствами черт ни одарил их родителей. Дома еретиков следует сровнять с землей. Вы говорите — горит дом Амзингов, но это рука божья сбросила знаменитый герб — золотой шар — со шпиля в грязь. Так возликуйте, господин сенатор, когда гнев божий смиряет высокомерие властных! Что для всевышнего страна, или город, или тем более какой-то дом знатной семьи, хотя бы он процветал в течение ряда столетий? Всевышний сметет его одним дуновением. И если вспомнить шарообразную молнию, которая ударила в храм Спасителя и расплавила крест на груди вседостойнейшего господина инквизитора, то разве не станет ясно, каким символом ада был золотой шар и под чьим скипетром жили долгие века богатые Амзинги, а с ними и Магнус Гарбе? Господин сенатор, вы боитесь за ваш город, за светскую власть. Но пусть он даже будет разрушен до основания, лишь бы над его развалинами расцвела та небесная община, где сонмы святейших и благороднейших ангелов внушают уважение к воле и

[1] Сожжение живым. (*Лат.*)

закону всевышнего, единственного и всемогущего господина нашего. Его наместником здесь на земле является наш святой отец в Риме, наш dominus apostolicus. Так возрадуйтесь, возрадуйтесь вместе со мной, и воскликнем вместе с псалмопевцем: «Прекрасное будет рассказано о тебе, город божий!»

Брат Томас театрально воздевает руки кверху и быстро уходит вместе с братом Рейнгольдом.

Доктор Ансело. Не пользуйся я покровительством нашего милосердного князя и епископа, не нуждайся он так сильно в моем лекарском искусстве, меня бы не было здесь, я уже давно стал бы жертвой этих ряс. В каждом их смиренно опущенном взоре проглядывает смертельная ненависть ко мне. Однако вернемся к нашим делам.

Доктор Вик. Закройте дверь и позаботьтесь, чтобы мы остались одни, мастер. Мы должны с вами уладить важное и спешное дело.

Адам *(закрывает дверь, выходящую наружу)*. Весь к вашим услугам.

Доктор Вик. Хотя золотой шар дома Амзингов — Гарбе после того, как он, словно наваждение, появился на куполе храма Спасителя, сейчас и валяется в грязи, презираемый и проклинаемый всем городом, и хотя он пришел к такому печальному и жалкому концу, — магистрат все же единодушно принял решение, что было бы не по-христиански подвергнуть наказанию трехнедельного младенца, новорожденного сына бургомистерши — Магнуса Феликса — и сжечь его вместе с матерью. Поэтому единогласно вынесли решение освободить ребенка. Так как нельзя терять времени и надо немедленно выполнить это решение, я сам принес документы, скрепленные городской печатью; в них вам предписывается освободить ребенка.

Адам *(рассматривает бумагу)*. Забирайте ребенка, господа! Я — покорный слуга магистрата.

Доктор Вик. Так. Теперь мне надлежит выполнить поручение, которое лишь очень редко возлагается на городского синдика. Но оно должно быть выполнено, ибо горе свободе немецких городов, горе свободе всей

Германии, если рóд Гарбé прекратит существование *(Берет ребенка из колыбели и заворачивает его в свой плащ.)*

Доктор Ансело. Ирод беснуется, избивая младенцев! Да воздаст вам бог за спасение ребенка от гибели на костре.

Адам открывает наружную дверь, доктор Вик уходит с мальчиком.

Итак, самое главное из всего, что мы еще могли сделать, свершилось. Вот два кошелька с золотом для вас и для служанки Аполлонии за уход и внимание к ребенку и матери. Я не сомневаюсь, что вы и дальше будете человечны и не будете мешать нашему некогда столь знаменитому бургомистру провести — разумеется, с ведома магистрата — последние часы перед казнью вместе с несчастной женой.

Адам. Я ведь тоже человек; положитесь на меня, все будет сделано.

Доктор Ансело. Подумайте, с момента ее заключения он, сам едва поднявшийся с одра болезни, увидит ее в первый и последний раз.

Адам. Пускай видятся, я не буду мешать. Но, раз уж это должно свершиться, пускай свершится скорее.

Доктор Ансело. Так знайте — он ждет внизу во дворе. С ним художник Ян Госсерт, который с момента несчастья не отходит от него ни на шаг.

Адам. Позвольте мне сходить за ними. *(Открывает дверь.)* Смотрите-ка, господин сенатор, на небе звезды, дождь перестал.

Доктор Ансело. Действительно! Милосердный бог творит иногда чудеса. Теперь благочестивые души могут кричать: осанна! Гнев божий все еще умеряется человеческими жертвами. Дым! Пламя! Вот когда со всей силой разгорелся пожар, пожирающий дом Амзингов. Какое зарево над городом, как бушует пожар! Тяжело видеть и тяжело слышать. Закройте дверь, мастер!

Адам. Слышны только человеческие голоса и крики. Странно! *(Крестится.)* Не слышно больше ни воя волков, ни лая собак, ни фырканья кошек.

Слышен глухой стук в дверь камеры.

Доктор Ансело. Кто там стучит?

Адам. Как будто из камеры бургомистерши.

Снова стук.

Доктор Ансело. Разве вы не хотите спросить, что ей нужно?

Адам. Я думаю, что она узнала ваш голос, господин доктор. *(Закрывает наружную дверь и отодвигает засов камеры.)*

Доктор Ансело. Господи, дай мне силы выдержать это испытание!

Адам. Я приведу ее сюда из этой дыры, господин сенатор. Вы сможете сказать ей, что у вас на сердце.

Снова стук.

Терпение, терпение, упрямая колдунья.

Палач широко открывает дверь камеры. Выпрямившись, с поднятой головой, появляется узница, словно бледный призрак. Она одета в длинную серую сорочку, боса, ее длинные косы распущены. Медленно и с трудом поднимается она по ступеням. Затем она останавливается, чтобы передохнуть. Несмотря на ее безмолвие, чувствуется, какое мучение причиняет ей каждый шаг. Руки и ноги ее скованы тяжелой цепью. В нескольких местах видны перевязки. Ее лицо искажено страданиями, но все еще прекрасно и как бы излучает сияние, как лик святой девы.

Фелиция. Я знала... знала, что это вы, милый доктор Ансело. Я иду к вам... иду... Видите?.. Трудно мне идти, очень трудно, но я иду к вам, словно из глубочайшей бездны или из царства смерти, а может быть, из могилы... Вот выползла... выползла-таки из могилы. Видите, доктор, золотой шар превратился в железный, прикованный к ноге, и я таскаю его за собой.

Адам зажигает восковую свечу и ставит ее на стол.

(Закрывает лицо руками.) Откуда такой страшный свет? Мне больно, очень больно от него, дорогой доктор. Там внизу у меня есть кусочек гнилого дерева, он светится приятно, и от него не больно.

Доктор Ансело. Вы скоро привыкнете к свету маленькой свечки, госпожа Гарбе.

Фелиция. Что сейчас — ночь или день, милый доктор? Я спрашиваю потому, что вы иногда приходите

ночью, а иногда днем... Я сама удивляюсь, но иногда у меня все перепутывается.

Доктор Ансело. Соборные часы давно пробили полночь, госпожа Гарбе.

Фелиция. Иногда мне хочется плакать, потому что в моем подземелье, глубоком подземелье, я не слышу боя соборных часов; видно, что-то произошло с моим слухом. Если бы я могла слышать хоть перезвон колоколов, — о боже милостивый, как приятно и спокойно стало бы у меня на душе. Ведь звон каждого колокола возвещает хвалу моему милому мужу, пожертвовавшему средства на строительство собора.

Доктор Ансело. Да-да, я знаю благородную щедрость господина бургомистра.

Фелиция. И это хорошо, это по-христиански, что Гарбе такой щедрый. Ваш совет, доктор, не пошел мне, несчастной женщине, впрок. Я хотела сама кормить моего мальчика, и вы разрешили мне это. Но источник иссяк. А разве это настоящая мать, если она может приложить ребенка только к высохшей груди? Мне хочется немного покачать мальчика. Сделайте мне одолжение, поддержите меня.

Доктор Ансело. Пожалуйста, я вам помогу, обопритесь на меня, фрау Фелиция. *(Помогает ей пройти несколько шагов и опуститься на маленькую скамеечку у колыбели.)*

Фелиция *(качает пустую колыбель)*. Немало мне пришлось за тебя выстрадать, мое дорогое дитя.

Доктор Ансело. Вы много претерпели, и вам воздастся за ваши страдания в Судный день; я верю в это так же, как в справедливость господа бога там, на небе.

Фелиция. Простите, доктор, у меня сейчас так хорошо на душе, что хочется петь.

Доктор Ансело. Пой, пой, если можешь, бедная страдалица.

Фелиция *(поет, качая колыбель)*.

«Там, где ветер веет не смолкая,
Где взметнулись в небо гор вершины,
Там сидит Мария, напевает

И качает маленького сына.
На руках она его качает,
Руки колыбель ей заменяют».

Вы ещё здесь, доктор Ансело? Скажите... доктор — это только ваш голос... или вы действительно здесь, доктор Ансело?

Доктор Ансело. Я тут, возьмите мою руку. Я действительно здесь, возле вас!

Фелиция. Если вы действительно еще здесь, со мной, я хочу рассказать вам кое-что... между нами. Никогда я не думала, что рождение человека может быть таким тяжелым. Чтобы даровать моему ребенку жизнь — я прошла через тысячу смертей... правда, я и не знала, какое сладостное наслаждение прижать ребенка к своей груди.

Доктор Ансело *(берет в руки свечу)*. Позвольте осмотреть перевязки! Кровь опять просочилась через бинт.

Фелиция. О, не нужно... Я не обращаю на них внимания. Хотела бы я узнать, как все это произошло? Но не могу никого найти, доктор Ансело, кто объяснил бы мне все это... странное, непонятное. Несомненно я в глубоком сне?! Но настанет ли когда-нибудь пробуждение? Вы еще здесь, доктор Ансело?

Доктор. Ансело. Да, я возле вас, вот моя рука, чувствуете?

Фелиция. Однажды я сказала мастеру Адаму, палачу: там внутри висит на веревках бедная обнаженная женщина. К ее ногам подвешены железные гири. Что вы с ней делаете? Какое преступление она совершила? «Тебе лучше знать», — ответил он мне! Но откуда я должна это знать, спрашиваю я вас? Женщина висела тихо; почтеннейший инквизитор сказал ей: «Ясно, что ты говоришь неправду!» И прибавил: «Я освободил бы тебя сейчас же, потому что в темной сырой тюрьме ты подорвешь свое здоровье. Но, пока не скажешь правду, ты останешься в тюрьме». И тогда я заметила, что бедняжка задумалась. Она думала-думала, но раздумье не помогло ей нисколько: она ничего не могла ответить почтеннейшему господину. Тогда инквизитор сказал:

«Ты обвиняешься в самом отвратительном из всех преступлений. Многими надежными свидетелями установлено, что по ночам ты в темных переулках и заброшенных углах занималась блудом с нечистым духом». Вы думаете, она что-нибудь сказала? Она лишь вздохнула глубоко и покраснела как мак от стыда и отвращения. Вы еще здесь, доктор Ансело?

Доктор Ансело. Да, я здесь, и мне хотелось бы задать вам один вопрос.

Фелиция. Спрашивайте! Только положите опять вашу руку мне на лоб. Вы знаете, это для того, чтобы я не сказала вам что-нибудь непонятное, запутанное!

Доктор Ансело *(выполняет ее просьбу)*. Вы можете, если хотите, — и теперь ответьте, хотите ли вы, Фелиция! — увидеться с вашим мужем.

Фелиция. Ах, если бы в этом тяжелом сне не грезились ужасные кошмары. Но теперь мне хорошо. Ваша рука успокаивает меня, дорогой доктор. А там — вдруг... слышатся крики! Вдруг зазвенят цепи! А надо мной — всю ночь... всю ночь... всю ночь... шаги, шаги, шаги. Вперед и назад: непрерывно — вперед и назад. Все время — сперва вперед, а потом снова назад. И знаете, какой вздор говорят люди? Одни говорят: это наш старый верный Доминик, словно беспокойный дух, должен непрерывно бродить, потому что он разрывал зубами грудных младенцев и пил кровь их сердца. Другие говорят — это Доротея Мейлин, моя старая кормилица, неустанно бродит вокруг и не может успокоиться. При каждом ее шаге скрипят доски. Но когда я чувствую вашу руку у себя на лбу, я вижу, что все это мне снилось.

Доктор Ансело. Вы не хотите ответить на мой вопрос? Соберите все силы, Фелиция! Нам удалось устроить так, что теперь вашему свиданию с Магнусом ничто не препятствует.

Фелиция *(с глубоким вздохом)*. Найден длинный путь назад... Не забирайте вашу руку! Теперь я скажу вам, что случилось... Но патер Гисланд говорит, что все это послужит мне во спасение. Добрый патер Гисланд говорит... Вы еще здесь, милый Ансело? Он говорит, когда я снова вернусь домой, тогда мы должны будем

еще раз сыграть свадьбу. *(Опускается на солому и засыпает кротким сном.)*

Художник Ян Госсерт и бургомистр Гарбе проходят через дверь. Адам, открывший дверь, запирает ее и снова уходит.

Гарбе *(сломленный и разбитый, ему трудно говорить из-за частичного паралича языка, вызванного пережитым ударом)*. Кто это был?

Ян Госсерт. Я его не знаю. Вероятно, тюремщик.

Гарбе. Вы полагаете, что это земной Петр-привратник. Если бы я был лошадью, я встал бы на дыбы, дрожал и сопротивлялся, чтобы не ехать мимо его дома.

Ян Госсерт. Могу вам поверить.

Гарбе *(с усилием)*. Так поступают животные, когда они почуют кровь. С помощью животных следовало бы разыскивать незримых злых демонов. Демон — это жаждущий крови. Знаете ли вы, Ян Госсерт, что внутри я железный человек.

Ян Госсерт. Я чувствую это, господин бургомистр.

Гарбе. Рука смерти чувствительно коснулась моей левой стороны. Левая рука стала совсем бессильна. Я могу открыть левый глаз лишь с помощью двух пальцев. И все же внутри — я железный человек, Ян Госсерт!

Ян Госсерт. Я чувствую это, господин бургомистр.

Гарбе. Моя слабость не должна вводить вас в заблуждение, даже если я чуть-чуть волочу свою левую ногу. Это началось с тех пор, когда меня поразила беззвучная молния на винограднике и исчертила синими фигурами мое мертвое тело. Что-то со свистом лопнуло вдруг во мне и оборвалось, как слишком сильно натянутая тетива лука. Но так и должно было произойти, Ян Госсерт. Чтобы до конца все понять, полностью охватить, точно измерить и быть в состоянии все вытерпеть, я должен был умереть и потом медленно, медленно врастать в мое неизмеримое горе. Так я стал сильным. И каким бы слабым я ни казался, все же я внутри железный человек.

Ян Госсерт. Кто же не знает вас? Все считают вас человеком крепким, как железо.

Гарбе. Когда меня считали таким, я им еще не был. Тогда я не обладал подобной силой, да и не знал вообще, какой силой я обладаю. Вы сомневаетесь? Так вспомните, что я еще живу, что я могу беседовать с вами; подумайте о том, где я нахожусь, Ян Госсерт! Мы, люди, ничего не знаем друг о друге. Можете ли вы сказать мне, железному человеку, что это за звуки?

Ян Госсерт. Какие звуки, господин бургомистр?

Гарбе. Иногда это звон... как если бы двигались замурованные здесь быки, прикованные цепями к пустым яслям. Они звенят цепями, они дергают их, издавая приглушенный, потрясающий рев... *(Долго стоит и прислушивается.)*

Ян Госсерт. Позвольте мне пойти узнать...

Гарбе. Нет! Не делайте этого! Не оставляйте меня. Как бы я ни был крепок, вы ведь знаете — я не могу оставаться один. Вы не должны отходить от меня.

Ян Госсерт. Но где человек, который привел нас сюда, запер за нами дверь и исчез?

Гарбе. Я не знаю этого, но вам нельзя оставлять меня одного.

Ян Госсерт. Успокойтесь, я не отойду от вас.

Гарбе. Когда вы меня покидаете, меня неудержимо влечет в одну и ту же сторону, и тогда я уже не вижу того, что мне, человеку с железным лбом и железной грудью, еще нужно найти и увидеть перед моей кончиной.

Ян Госсерт. Соберитесь с силами, успокойтесь, господин бургомистр!

Гарбе. Я собрался с силами. Разве вы не слышите скрежет стиснутых зубов? Меня удивляет, как только выдерживают мои челюсти. Но если бы вы оставили меня одного хотя бы на минуту, то в следующее мгновение я уже лежал бы где-нибудь внизу с раздробленным черепом.

Доктор Ансело. Магнус, это вы? Это вы, господа?

Гарбе. Скажите, Ян Госсерт, не сидит ли там какой-то человек?

Ян Госсерт. Да, сидит и, кажется, что-то произнес.

Гарбе. Не скажете ли вы мне, Ян, что это за испанское бородатое лицо?

Доктор Ансело. Господин бургомистр! Ваша супруга спит; подойдите тихонько поближе.

Гарбе *(идет, как слепой, ощупывая дорогу палкой)*. Кто это говорит?

Доктор Ансело. Это я — доктор Ансело.

Гарбе. Что вы сказали, доктор Корнелиус Ансело?

Доктор Ансело. Я сказал, что ваша супруга спит, Магнус.

Гарбе. Не позволяйте обмануть себя, доктор! Мы встречаемся с вами не на том же самом месте, хотя оно и кажется одним и тем же. Ваш взор не может проникнуть до той глубины, где брожу я. Я — тот человек, который терпеливо и полный смирения ждал в вонючей живодерне, пока его милостиво позовут на бойню, и который все же не умер от смрада мертвечины в этом проклятом логове убийц, где жестоко мучают и казнят ангелов божьих.

Доктор Ансело. Используйте время. Вот спит ваша жена. Завтра вы ее больше не увидите!

Гарбе *(смотрит на Фелицию)*. Здесь спит женщина, но я ее не знаю.

Доктор Ансело. Тише! Вы можете говорить с ней, если, несмотря на ваши безмерные страдания, вам удастся не причинить ей новой боли. Иначе я не отниму руки от ее лба. Было бы преступлением нарушить это благостное глубокое забытье и вернуть ее к жизни для новых мучений.

Гарбе. Разве я не сказал, что внутри я — человек из железа?

Ян Госсерт. Пришел час доказать это.

Все мужчины, кроме Гарбе, неудержимо, горько рыдают.

Гарбе *(с душераздирающим криком)*. Если христианство — наша единственная опора в жизни, то мы беднее всех безбожников! *(Рыдая, опускается на колени возле Фелиции.)*

Доктор Ансело. Гарбе, узнайте же, что ваш сын спасен и уже на пути в Голландию. Надеюсь, такая

весть придаст вам силы. Используйте их, чтобы наполнить последние часы этой женщины радостью вместо горя! Завтра вы ее больше не увидите.

Гарбе продолжает рыдать. Доктор Ансело и Госсерт уходят, сдерживая рыдания.

Фелиция. Вы еще здесь, доктор Ансело?

Гарбе. Здесь уже кто-то другой, а не доктор Ансело. *(Плачет.)*

Фелиция. Магнус, ты! Подойди, ляг со мной рядом.

Гарбе *(медля)*. Я не могу жить и не могу умереть.

Входит Аполлония с глиняным кувшином и караваем хлеба.

Аполлония. На этот раз здесь не вода, а что-то повкуснее, да и хлеб пшеничный.

Гарбе. Ох, как ты испугала меня, кто ты?

Аполлония. Я — Аполлония, служанка.

Гарбе. Я все еще дрожу. Ты меня так страшно испугала! Потому что у тебя исполинская фигура и ты в ослепительном сиянии прошла прямо сквозь стену.

Аполлония. Если те, другие, ничего вам не сделают, то я, господин бургомистр, уж конечно не причиню вам ничего дурного.

Гарбе. Да, правда, я не узнал тебя, мне казалось, что я вижу ангела смерти.

Аполлония. Успокойтесь, я только служанка палача. Вот уже пробило два. Мастер Адам велел передать, что до трех часов время принадлежит вам. А затем придет патер, чтобы дать ей последнее напутствие.

Гарбе. Женщина, ты сказала, что в твоем кувшине что-то вкуснее, чем вода, будь милостива, дай утолить жажду!

Аполлония *(подносит кувшин к его рту)*. Пейте, но оставьте хоть глоточек бедняжке.

Гарбе *(напившись)*. У тебя в кувшине только вода! Не можешь ли ты сказать, что за скрип колес доносится снаружи?

Аполлония. Вы, должно быть, говорите о телегах. Это крестьяне везут дрова, чтобы сжигать еретиков.

Гарбе. Нет! Это монахи вывозят из города имущество, награбленное у еретиков. А что означает непрестанный стук молотков?

Аполлония. Это на рынке. Там палачи и плотники строят эшафот.

Гарбе. На рынке... Палачи и плотники мастерят эшафот — для кого? А что означают эти крики, рев и смех?

Аполлония. Орут потому, что дожди кончились и кабаки всю ночь будут открыты настежь, народ на радостях пьет вино на улицах и площадях.

Гарбе. Женщина, мне кажется, будто я уже видел тебя раньше?

Аполлония. Когда я была маленькой. Моя мать работала на вашем винограднике.

Гарбе. Значит, ты из тех, кто знает, что некогда был бургомистр Магнус Гарбе? А я уже давно забыл об этом.

Фелиция вскрикивает во сне.

Аполлония. Господин, она зовет вас. Помните и вы, что ваше время прошло уже наполовину! *(Уходит.)*

Фелиция широко раскрывает глаза.

Гарбе. Ты открыла глаза? Это твои глаза, Фелиция?

Фелиция. Почему ты не лежишь рядом со мной?

Гарбе. Да-да, на гнилой соломе, под землей, под землей.

Фелиция. Возле меня тепло.

Гарбе. Ты холодна, как кусок льда.

Фелиция. Высокая брачная постель, белое полотно, лаванда, розмарин.

О ложе, я вступаю на тебя.
Святой Андрей, прошу тебя...

Но почему ты отворачиваешься от меня? Я больше не нравлюсь тебе, потому что груди мои гноятся.

Гарбе. Укус ядовитой змеи парализует меня, Фелиция.

Фелиция.

Змея, ты первое грехопаденье совершила.
Христос лишил тебя за это жала,
И голову Мария раздавила,
Чтоб мертвой ты, как шест, лежала.

Пойдем, милый, пойдем домой! Ах, Магнус, я вижу все это во сне, не обращай на меня внимания.

Гарбе. Если это сон, то что же явь?

Фелиция. Нет, не прикасайся ко мне! Я — чума. Держись от меня дальше, дорогой. На моей груди выжжены дыры. Моя правая рука — гноящийся, кровавый кусок мяса. Магнус, беги! Не оскверняй себя! Они говорят, что нашли на мне печать дьявола.

Гарбе. Или нет бога на небе, или завтра ты будешь со мной в раю!

Фелиция. Они говорят, что нашли на мне печать дьявола, они говорят, что я — суккубус. Объясни мне, Магнус, что это такое? И скажи мне, милый: ты действительно мой муж или ты — Асмодей, демон разврата.

Гарбе. Вот, выпей немного вина. Всевышний милостиво сжалился над нами и пробудил сострадание у служанки палача.

Фелиция. Скорпион! Скорпион! В дровах, в соломе! Бей его, бей! Вот помело, давай вылетим через камин.

Гарбе. Нет никакого бога... Есть только дьявол!

Фелиция. Замолчи! Тише! Я ни в чем не призналась, ни единым словом. Инкуб, инкуб! Палач то подвешивает ее на веревках, то опять спускает вниз. Господи Иисусе Христе, приди ко мне на помощь! И даже если меня сейчас замучат до смерти щипцами и тисками, клянусь, господи, что я — не ведьма! Помоги мне, матерь божья, помоги, Магнус, о горе мне, горе!

Гарбе. Так горестно взывает несчастная, а бог остается глухим. И я слышал все и не оглох?

Фелиция. А ты слышал о ведьме, которая съела тридцать сердечек новорожденных детей? Господь бог крепко закрыл мой рот. Я уснула. Бог взял меня в царство небесное; вдруг раздался громкий скрежет. Же-

лезными клещами мне разомкнули челюсти. «Сознайся!» — кричал мне патер-инквизитор. Ха-ха-ха-ха! Как может человек сознаться, если ему даже губ не дают сомкнуть! «Вы видите теперь силу сатаны, который укрепляет ее упорство».

Гарбе. Нет никакого бога, есть только дьявол!

Фелиция.

Господь, господь! Дьявол! Дьявол!
Прыг сюда, прыг туда,
Играй здесь, играй там.
Шабаш! Шабаш!

Послушай, как демоны визжат вокруг башни. Я натираю мазью помело. Муж! Муж! Взлетай! Взлетай! О, что со мной... стены отступают...

Я сыплю мое семя
Во имя Авраама.
Жабам покалеченным,
Аистам изувеченным
Сестер рекомендую,
Пусть выберут любую.

Гейя, гейя! Все они сорвались с крыши собора: летающая собака с полки, хвостатые обезьяны с елки, кошки с носами утиными, с лапами львиными, с когтями, как у пумы. У меня проклятые думы, проклятые думы. Не говори никому, милый муж, что по ночам я на помеле, смазанном мазью... Ай-ай, что ты делаешь со мной? На помеле вылетаю из тюрьмы и с галками, демонами и совами ночью летаю вокруг церкви и вокруг золотого шара дома Амзингов. Магнус! Магнус! Ох! Ох! Инкуб, инкуб! Они называют меня ведьмой! Ох! Ох! Магнус! Магнус! Инкуб! Benedicta tu in mulieribus [1]. Так ведь, так! Убей меня! Еще! Еще! Убей меня! Et benedictus fructus ventris tui [2]. Умереть! Блаженство! Ora pro nobis [3]. Любимый! Любимый! Еще! Еще!

Наступает полная тишина. Начинают бить соборные часы: три тяжелых удара. Снаружи доносится шум толпы, отдельные крики, стук молотков. Входят мастер Адам, Гейнц и Герг.

[1] Благословенна ты в женах. (*Лат.*)
[2] И благословен плод чрева твоего. (*Лат.*)
[3] Молись за нас! (*Лат.*)

Адам. Торопитесь! Пора! Монахи и магистрат уже на ногах. Они не должны видеть здесь этого человека. Проводите его через калитку, которая ведет к реке, возьмите челн и переправьте его на ту сторону. Эй, что же это такое? Отцепись же наконец! О, черт, пускай меня лишат царства небесного, если его не убила нечистая сила.

Герг. Да, с ним все кончено. Он уже не понюхает дыма костра и не услышит звона колокола.

Адам. Они уже идут. Доминиканцы что-то торопятся. Вот, черт побери, ну-ка, набрось на него попону.

Гейнц выполняет приказ.

Герг. Не освободить ли ее от цепей? Смотрите, у нее угасший взгляд.

Адам. Влей ей уксуса в рот или ущипни раскаленными щипцами грудь! Видишь, как она дергается и как извивается. Кривая и твердая, как полено. Она притворяется, а ее хозяин, сатана, подсмеивается над нами.

Гейнц. Смотрите, они как будто одно тело. Никак не оторвешь друг от друга. Когда вы потащите ее, то вместе с ней потащится и труп бургомистра.

Герг. Холеру тебе в брюхо; боюсь, что и ее живой мы уже не поднимем.

Адам. Клянусь всеми святыми, что трижды проклятый сатана сыграл здесь с монахами плохую шутку.

Герг. Держу пари, что они вознеслись на небо.

Входит монах-доминиканец и берется за веревку колокола. Одновременно слышится хор процессии.

Хор. Laudate nomen domine.
Laudate, servi, dominum.
Laudate dominum, quia
bonus dominus[1].

Монах. Кончайте поскорее. Приговор суда милостиво предусматривает повешение перед сожжением

[1] Хвалите имя господне.
Хвалите, рабы, господа.
Хвалите господа, ибо
Добр господь. (*Лат.*)

на костре. Во имя бога, отца и сына, будьте милосердны и снисходительны.

Адам. Народ разорвет меня в клочья: я могу бросить на костер только два трупа.

Монах. Deo gratias [1]. Свершился суд божий. Аллилуйя, аллилуйя! *(Хватается за веревку, виснет на ней всем телом и звонит как бешеный.)*

Колокол звонит резко, лихорадочно и фанатично.

Занавес

---

[1] Благодарение господу. (*Лат.*)